

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ГАЙДАМАКИ.

НАЙМИЧКА.

МУЗЫКАНТ.

БЛИЗНЕЦЫ.

ХУДОЖНИК (СБОРНИК)

Тарас Шевченко

**Гайдамаки. Наймичка. Музыкант.
Близнецы. Художник (сборник)**

«Public Domain»

Шевченко Т. Г.

Гайдамаки. Наймичка. Музыкант. Близнецы. Художник (сборник)
/ Т. Г. Шевченко — «Public Domain»,

Твори Тараса Шевченка проникнуті тонким ліризмом і сумом, що підкреслює незгоди підневільного життя селян-кріпаків на пригніченій, але такій рідній Україні. У книгу увійшла поема «Гайдамаки» – перший український історичний роман у віршах, що розповідає про Коліївщину, народно-визвольне повстання козацтва проти гніту Речі Посполитої. Також читач ознайомиться з такими творами Шевченка як «Наймичка», «Музыкант», «Близнюки» та «Художник». Произведения Тараса Шевченко проникнуты тонким лиризмом и печалью, отражающей невеселую подневольную жизнь крепостных крестьян на угнетенной, но такой родной и богатой славным прошлым Украине. В книгу вошла поэма «Гайдамаки» – первый украинский исторический роман в стихах, повествующий о Колиивщине, народно-освободительном восстании казачества против гнета Речи Посполитой. Также читатель сможет ознакомиться с такими сочинениями Шевченко, как «Наймичка», «Музыкант», «Близнецы» и «Художник».

Содержание

ГАЙДАМАКИ	5
ПЕРЕДМОВА	5
ПАНОВЕ СУБСКРИБЕНТИ!	6
ВСЕ ЙДЕ, ВСЕ МИНАЄ...	7
ІНТРОДУКЦІЯ	13
ГАЛАЙДА	15
КОНФЕДЕРАТИ	18
ТИТАР	22
СВЯТО В ЧИГИРИНІ	28
ТРЕТІ ПІВНІ	36
ЧЕРВОНИЙ БЕНКЕТ	40
ГУПАЛІВЩИНА	45
БЕНКЕТ У ЛИСЯНЦІ	48
ЛЕБЕДИН	55
ГОНТА В УМАНІ	58
ЕПІЛОГ	65
НАЙМИЧКА	68
МУЗЫКАНТ	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Тарас Григорович Шевченко

Гайдамаки. Повести

ГАЙДАМАКИ

ПЕРЕДМОВА

По мові – передмова. Можна і без неї, так ось бачте що: все, що я бачив надрукованого, – тільки бачив, а прочитав дуже небагато, – всюди є передслово, а в мене нема. Якби я не друкував своїх «Гайдамаків», то воно б не треба і передмови. А коли вже пускаю в люди, то треба і з чим, щоб не сміялись на обірванців, щоб не сказали: «От який! хіба діди та батьки дурніші були, що не пускали в люди навіть граматки без предисловія». Так, далєбі, так, вибачайте, треба предисловіє. Так як же його скомпоновать? щоб, знаєте, не було і кривди, щоб не було і правди, а так, як всі предисловія komponуються. Хоч убий, не вмію; треба б хвалить, так сором, а гудить не хочеться.

Начнем же уже начало книги с и ц е: весело подивиться на сліпого кобзаря, як він сидить собі з хлопцем, сліпий, під тином, і весело послухать його, як він заспіває думу про те, що давно діялось, як боролися ляхи з козаками; весело... а всетаки скажеш: «Слава богу, що минуло», – а надто як згадаєш, що ми одної матері діти, що всі ми слав'яне. Серце болить, а розказувать треба: нехай бачать сини і внуки, що батьки їх помилялись, нехай братаються знову з своїми ворогами. Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, не розмежованою останеться навіки од моря і до моря – слав'янська земля.

Про те, що діялось на Україні 1768 року, розказую так, як чув од старих людей; надрукованого і критикованого нічого не читав, бо, здається, і нема нічого. Галайда вполовину видуманий, а смерть вільшанського титаря правдива, бо ще є люди, которі його знали. Гонта і Залізник, отамани того кровавого діла, може, виведені в мене не так, як вони були, – за це не ручаюсь. Дід мій, нехай здоров буде, коли зачина розказувать що-небудь таке, що не сам бачив, а чув, то спершу скаже: «Коли старі люди брешуть, то й я з ними».

ПАНОВЕ СУБСКРИБЕНТИ!

«Бачимо, бачимо, що одурив, та ще хоче і одбрехаться!» Отак ви вслух подумаете, як прочитаєте мої «Гайдамаки». Панове громадо! далебі, не брешу. Ось бачите що! Я думав, і дуже хотілось мені надрукувати ваші козацькі імена рядочком гарненько; уже було і найшлося їх десятків зо два, зо три. Слухаю, виходить різномова: один каже – «треба», другий каже – «не треба», третій – нічого не каже. Я думав: «Що тут робить на світі?» Взяв та й проциндрив гарненько ті гроші, що треба було заплатити за аркуш надрукованого паперу, а до вас і ну писати оцю цидулу! Все б то це нічого! Чого не трапляється на віку! Все буває, як на довгій ниві. Та ось лихо мені на безголов'я! Єсть ще і такі паничі, що соромились свою благородну фамілію (Кирпа-Гнучкошиєнко-в) і надрукувати в мужицькій книжці. Далєбі, правда!

Т. Шевченко

ВСЕ ЙДЕ, ВСЕ МИНАЄ...

Все йде, все минає – і краю немає.
Куди ж воно ділось? відкіля взялось?
І дурень, і мудрий нічого не знає.
Живе... умирає... одно зацвіло,
А друге зав'яло, навіки зав'яло...
І листя пожовкле вітри рознесли.
А сонечко встане, як перше вставало,
І зорі червоні, як перше плили,
Попливуть і потім, і ти, білолиций,
По синьому небу вийдеш погулять,
Вийдеш подивиться в жолобок, криницю
І в море безкрає, і будеш сіять,
Як над Вавилоном, над його садами
І над тим, що буде з нашими синами.
Ти вічний без краю!.. люблю розмовлять,
Як з братом, з сестрою, розмовлять з тобою,
Співать тобі думу, що ти ж нашептав.
Порай мені ще раз, де дітись з журбою?
Я не самотній, я не сирота,
Єсть у мене діти, та де їх подіти?
Заховать з собою? – гріх, душа жива!
А може, їй легше буде на тім світі,
Як хто прочитає ті сльози-слова,
Що так вона щиро колись виливала,
Що так вона нишком над ними ридала.
Ні, не заховаю, бо душа жива.
Як небо блакитне – нема йому краю,
Так душі почину і краю немає.
А де вона буде? химерні слова!
Згадай же хто-небудь її на сім світі,
Безславному тяжко сей світ покидать.
Згадайте, дівчата, – вам треба згадать!
Вона вас любила, рожеві квіти,
І про вашу долю любила співать.
Поки сонце встане, спочивайте, діти,
А я поміркую, ватажка де взять.
Сини мої, гайдамаки!
Світ широкий, воля,
Ідіть, сини, погуляйте,
Пошукайте долі.
Сини мої невеликі,
Нерозумні діти,
Хто вас щиро без матері
Привітає в світі?
Сини мої! орли мої!

Летіть в Україну,
Хоч і лихо зустрінеться,
Так не на чужині.
Там знайдеться душа щира,

Не дасть погибати,
А тут... а тут... тяжко, діти!
Коли пустять в хату,
То, зустрівши, насміються,
Такі, бачте, люди:
Все письменні, друковані,
Сонце навіть гудять:
«Не відтіля, каже, – сходить,
Та не так і світить;
Отак, – каже, – було б треба...»
Що маєш робити?
Треба слухать, може, й справді
Не так сонце сходить,
Як письменні начитали...
Розумні, та й годі!
А що ж на вас вони скажуть?
Знаю вашу славу!
Поглузують, покепкують
Та й кинуть під лаву.
«Нехай, – скажуть, – спочивають,
Поки батько встане
Та розкаже по-нашому
Про свої гетьмани.
А то дурень розкаже
Мертвими словами
Та якогось-то Ярему
Веде перед нами
У постолах. Дурень! дурень!
Били, а не вчили.
Од козацтва, од гетьманства
Високі могили —
Більш нічого не осталося,
Та й ті розривають;
А він хоче, щоб слухали,
Як старці співають.
Дарма праця, пане-брате:
Коли хочеш грошей,
Та ще й слави, того дива,
Співай про Матрьошу,
Про Парашу, радість нашу,
Султан, паркет, шпори,
От де слава!!! а то співа:
«Грає синє море»,
А дам плаче, за тобою

І твоя громада
У сіряках!...» Правда, мудрі!
Спасибі за раду.
Теплий кожух, тільки шкода —
Не на мене шитий,
А розумне ваше слово
Брехнею підбите.

Вибачайте... кричіть собі,
Я слухать не буду,
Та й до себе не покличу:
Ви розумні люди —
А я дурень; один собі,
У моїй хатині
Заспіваю, заридаю,
Як мала дитина.
Заспіваю, – море грає,
Вітер повівав,
Степ чорніє, і могила
З вітром розмовляє.
Заспіваю, – розвернулась
Висока могила,
Аж до моря запорожці
Степ широкий крили.
Отамани на вороних
Перед бунчуками
Вигравають... а пороги
Меж очеретами
Ревуть, стогнуть – розсердилися,
Щось страшне співають.
Послухаю, пожурюся,
У старих питаю:
«Чого, батьки, сумуєте?»
«Невесело, сину!
Дніпро на нас розсердився,
Плаче Україна...»
І я плачу; а тим часом
Пишними рядами
Виступають отамани,
Сотники з панами
І гетьмани; всі в золоті
У мою хатину
Прийшли, сіли коло мене
І про Україну
Розмовляють, розказують,
Як Січ будували,
Як козаки на байдаках
Пороги минали,
Як гуляли по синьому,

Грілися в Скутарі
Та як, люльки закуривши
В Польщі на пожарі,
В Україну вергалися,
Як бенкетували.
«Грай, кобзарю, лий, шинкарю!»
Козаки гукали.
Шинкар знає, наливає
І не схаменеться;
Кобзар вшкварив, а козаки —

Аж Хортиця гнеться
Метелиці та гопака
Гуртом оддирають;
Кухоль ходить, переходить,
Так і висихає.
«Гуляй, пане, без жупана,
Гуляй, вітре, полем;
Грай, кобзарю, лий, шинкарю,
Поки встане доля».
Взявшись в боки, навприсідки
Парубки з дідами.
«Отак, діти! добре, діти!
Будете панами».
Отамани на бенкеті,
Неначе на раді,
Походжають, розмовляють;
Вельможна громада
Не втерпіла, ударила
Старими ногами.
А я дивлюсь, поглядаю,
Сміюся сльозами.
Дивлюся, сміюся, дрібні утираю,
Я не садинокий, є з ким в світі жити;
У моїй хатині, як в степу безкраїм,
Козацтво гуляє, байрак гомонить;
У моїй хатині синє море грає,
Могила сумує, тополя шумить,
Тихесенько Гриця дівчина співає,
Я не садинокий, є з ким вік дожить.
От де моє добро, гроші,
От де моя слава,
А за раду спасибі вам,
За раду лукаву.
Буде з мене, поки живу,
І мертвого слова,
Щоб виливать журбу, сльози.
Бувайте здорові!
Піду синів випроводжать

В далеку дорогу.
Нехай ідуть, – може, найдуть
Козака старого,
Що привіта моїх діток
Старими сльозами.
Буде з мене. Скажу ще раз:
Пан я над панами.
Отак, сидя в кінці стола,
Міркую, гадаю:
Кого просить? хто поведе?
Надворі світає;
Погас місяць, горить сонце.
Гайдамаки встали,

Помолились, одяглися,
Кругом мене стали,
Сумно, сумно, як сироти,
Мовчки похилились.
«Благослови, – кажуть, – батьку,
Поки маєм силу;
Благослови шукать долю
На широкім світі».
«Постривайте... світ не хата,
А ви малі діти,
Нерозумні. Хто ватажком
Піде перед вами,
Хто проведе? Лихо, діти,
Лихо мені з вами!
Викохав вас, вигодував,
Виросли чималі,
Йдете в люди, а там тепер
Все письменне стало.
Вибачайте, що не вивчив,
Бо й мене хоч били,
Добре били, а багато
Дечому навчили!
Тма, мна знаю, а оксію
Не втну таки й досі.
Що ж вам скажуть? Ходім, сини,
Ходімо, попросим.
Єсть у мене щирий батько
(Рідного немає) —
Дасть він мені раду з вами,
Бо сам здоров знає,
Як то тяжко блукать в світі
Сироті без роду;
А до того – душа щира,
Козацького роду,
Не одцуравсь того слова,

Що мати співала,
Як малого повивала,
З малим розмовляла;
Не одцуравсь того слова,
Що про Україну
Сліпий старець, сумуючи,
Співає під тином.
Любить її, думу правди,
Козацькую славу,
Любить її! Ходім, сини,
На раду ласкаву.
Якби не він спіткав мене
При лихій годині,
Давно б досі заховали
В снігу на чужині,
Заховали б та й сказали:

«Так... якесь ледащо...»
Тяжко, важко нудить світом,
Не знаючи за що.
Минулося, щоб не снилось!..
Ходімо, хлоп'ята!
Коли мені на чужині
Не дав погибати,
То й вас прийме, привітає,
Як свою дитину.
А од його, помолившись,
Гайда в Україну!»
Добридень же, тату, в хату!
На твоїм порозі
Благослови моїх діток
В далеку дорогу.

С.-Петербург, 1841, апреля 7

ІНТРОДУКЦІЯ

Була колись шляхетчина,
Вельможная пані;
Мірялася з москалями,
З ордою, з султаном,
З німотою... Було колись...
Та що не минає?
Було, шляхта, знай, чваниться,
День і ніч гуляє
Та королем коверзує...
Не скажу Степаном
Або Яном Собієським:
Ті два незвичайні,
А іншими. Небораки
Мовчки панували.
Сейми, сеймики ревіли,
Сусіде мовчали,
Дивилися, як королі
Із Польщі втікають,
Та слухали, як шляхетство
Навісне гукає.
«Nie pozwalam! nie pozwalam!»
Шляхта репетує,
А магнати палять хати,
Шабельки гартують.
Довго таке творилося,
Поки не в Варшаві
Запанував над ляхами
Понятовський жвавий.
Запанував, та й думав шляхту
Приборкати трошки... не зумів!
Добра хотів, як дітям мати,
А може, й ще чого хотів.
Єдине слово «nie pozwalam»
У шляхти думав одібрати,
А потім... Польща запалала,
Панки казалися...
Кричать: «Гонору слово, дарма праця!
Поганець, наймит москаля!»
На гвалт Пулавського і Паца
Встає шляхетська земля,
І – разом сто конфедерацій.
Розбрелись конфедерати
По Польщі, Волині,
По Литві, по Молдаванах
І по Україні;

Розбрелися та й забули
Волю рятувати,
Полигалися з жидами,
Та й ну руйнувати.

Руйнували, мордували,
Церквами топили...
А тим часом гайдамаки
Ножі освятили.

ГАЛАЙДА

«Яremo! герш-ту, хамів сину?
Піди кобилу приведи,
Подай патинки господині
Та принеси мені води,
Вимети хату, внеси дрова,
Посип індикам, гусям дай,
Піди до льоху, до корови,
Та швидше, хаме!.. Постривай!
Упоравшись, біжи в Вільшану:
Імості треба. Не барись».
Пішов Ярема, похиливсь.
Отак уранці жид поганий
Над козаком коверзував.
Ярема гнувся, бо не знав,
Не знав, сіромаха, що вирости крила,
Що неба достане, коли полетить,
Не знав, нагинався...
О боже мій милий!
Тяжко жить на світі, а хочеться жить:
Хочеться дивитись, як сонечко сяє,
Хочеться послухать, як море заграє,
Як пташка щебече, байрак гомонить,
Або чорнобрива в гаю заспіває...
О боже мій милий, як весело жить!
Сирота Ярема, сирота убогий:
Ні сестри, ні брата, нікого нема!
Попихач жидівський, виріс у порогу;
А не клене долі, людей не займа.
Та й за що їх лаять? хіба вони знають,
Кого треба гладить, кого катувать?
Нехай бенкетують... У їх доля дбає,
А сироті треба самому придбать.
Трапляється, часом тихенько заплаче,
Та й то не од того, що серце болить:
Що-небудь згадає або що побачить...
Та й знову за працю. Отак треба жить!
Нащо батько, мати, високі палати,
Коли нема серця з серцем розмовлять?
Сирота Ярема – сирота багатий,
Бо є з ким заплакати, є з ким заспівати:
Єсть карії очі – як зіроньки, сяють,
Білі рученята – мліють-обнімають,
Єсть серце єдине, серденько дівоче,
Що плаче, сміється, і мре, й оживає,
Святим духом серед ночі

Понад ним витає.
Отакий-то мій Ярема,
Сирота багатий.
Таким і я колись-то був.
Минуло, дівчата...

Минулося, розійшлося,
І сліду не стало.
Серце мліє, як згадаю...
Чому не осталося?
Чому не осталося, чому не витало?
Легше було б сльози, журбу виливать.
Люде одібрали, бо їм було мало.
«Нащо йому доля? треба закопать:
Він і так багатий...»
Багатий на лати
Та на дрібні сльози – бодай не втирать!
Доле моя, доле! де тебе шукать?
Вернися до мене, до моєї хати,
Або хоч приснися... не хочеться спать.
Виbachайте, люде добрі:
Може, не до ладу,
Та прокляте лихо-зlidні
Кому не завадить?
Може, ще раз зустрінемось,
Поки шкандибаю
За Яремою по світу,
А може... й не знаю.
Лихо, люде, всюди лихо,
Нігде пригорнутьcя:
Куди, каже, хилить доля,
Туди й треба гнутьcя,
Гнутьcя мовчки, усміхаться,
Щоб люде не знали,
Що на серці заховано,
Щоб не привітали.
Бо їх ласка... нехай сниться
Тому, в кого доля,
А сироті щоб не снилась,
Не снилась ніколи!
Тяжко, нудно розказувать,
А мовчать не вмію.
Виливайся ж, слово-сльози:
Сонечко не гріє,
Не висушить. Поділюся
Моїми сльозами...
Та не з братом, не з сестрою
З німими стінами
На чужині... А поки що —

До корчми вернуся,
Що там робиться.
Жидюга
Дрижить, зігнувшись
Над каганцем: лічить гроші
Коло ліжка, клятий.
А на ліжку... ох, аж душно!..
Білі рученята

Розкидала, розкрилася...
Як квіточка в гаю,
Червоніє; а пазуха...
Пазухи немає —
Розірвана... Мабуть, душно
На перині спати
Одинокій, молоденькій;
Ні з ким розмовляти,
Одна шепче. Несказанно
Гарна нехрещена!
Ото дочка, а то батько —
Чортова кишенька.
Стара Хайка лежить долі,
В перинах поганих.
Де ж Ярема? Взявши торбу,
Потяг у Вільшану.

КОНФЕДЕРАТИ

«Одчиняй, проклятий жиде!
Бо будеш битий... одчиняй!
Ламайте двері, поки вийде
Старий паскуда!» «Постривай!
Стривайте, зараз!» «Нагаями
Свиняче ухо! Жартувать,
Чи що, ти хочеш?» «Я? з панами?
Крий боже! зараз, дайте встать,
Ясновельможні (нишком – свині)».
«Пане полковнику, ламай!»
Упали двері... а нагай
Малює вздовж жидівську спину.
«Здоров, свине, здоров, жиде,
Здоров, чортів сину!»
Та нагаєм, та нагаєм.
А жид зогнув спину:
«Не жартуйте, мості-пане!»
«Добrivечір в хату!
Ще раз шельму! ще раз!.. годі!
Вибачай, проклятий!
Добrivечір! а де дочка?»
«Умерла, панове».
«Лжеш, Іудо! нагаями!»
Посипались знову.
«Ой паночки-голубчики,
Єй-богу, немає!»
«Брешеш, шельмо!»
«Коли брешу,
Нехай бог карає!»
«Не бог, а ми. Признавайся!»
«Нащо б мав ховати,
Якби жива? Нехай, боже,
Щоб я був проклятий!..»
«Ха-ха-ха-ха!.. Чорт, панове,
Літаню співає.
Перехрестись!»
«Як же воно?
Далебі, не знаю».
«Отак, дивись...»
Лях хреститься,
А за ним Іуда,
«Браво! браво! охрестили.
Ну, за таке чудо
Могоричу, мості-пане!
Чуєш, охрещений?

Могоричу!» «Зараз, зараз!»
Ревуть, мов скажені,
Ревуть ляхи, а поставець
По столу гуляє.
«Єще Польща не згінела!»
Хто куди гукає.

«Давай, жиде!» Охрещений
Із льоху та в хату,
Знай, шмигляє, наливає;
А конфедерати,
Знай, гукають: «Жиде! меду!»
Жид не схаменеться.
«Де цимбали? грай, псявіро!»
Аж корчма трясеться —
Краков'яка оддирають,
Вальса та мазура.
І жид гляне, та нищечком:
«Шляхетська натура!»
«Добре, годі! тепер співай!»
«Не вмію, єй-богу!»
«Не божись, собача шкуро!»
«Яку ж вам? Небогу?»
«Була собі Гандзя,
Каліка небога,
Божилася,
Молилася,
Що боліли ноги;
На панщину не ходила,
А за парубками
Тихесенько,
Гарнесенько
Поміж бур'янами».
«Годі! годі! це погана:
Схизмати співають».
«Якої ж вам? хіба оцю?
Стривайте, згадаю...»
«Перед паном Хведором
Ходить жид ходором,
І задком,
І передком
Перед паном Хведірко».
«Добре, годі! тепер плати!»
«Жартуєте, пане:
За що платить?»
«Що слухали.
Не кривись, поганий!
Не жартуєм. Давай гроші!»
«Де мені їх взяти?

Ні шеляга, я панською
Ласкою багатий».
«Лжеш, собако! признавайся!
А нуте, панове,
Батогами!»
Засвистіли,
Хрестять Лейбу знову.
Періщили, періщили,
Аж пір'я летіло...

«Єй же богу, ні шеляга!
Їжте моє тіло!
Ні шеляга! гвалт! рятуйте!»
«Ось ми порятуєм».
«Постривайте, я щось скажу».
«Почуєм, почуєм,
Та не бреши, бо, хоч здохни,
Брехня не допоможе».
«Ні, в Вільшаній...»
«Твої гроші?»
«Мої!.. ховай боже!
Ні, я кажу, що в Вільшаній...
Вільшанські схизмати
По три сем'ї, по чотири
Живуть в одній хаті».
«Ми це знаєм, бо ми сами
Їх так очухрали».
«Та ні, не те... вибачайте...
Щоб лиха не знали,
Щоб вам гроші приснилися..
Бачте, у Вільшаній
У костьолі... у титаря...
А дочка Оксана!
Ховай боже! як панночка!
Що-то за хороше!
А червінців! хоч не його,
Так що? аби гроші».
«Аби гроші, однаково!
Правду Лейба каже;
А щоб певна була правда,
Нехай шлях покаже.
Одягайся!»
Поїхали
Ляхи у Вільшану.
Один тільки під лавою
Конфедерат п'яний
Не здужа встать, а курника,
П'яний і веселий:
«Му зујету, му зујету,

Polska nie zginela».

ТИТАР

«У гаю, гаю
Вітру немає;
Місяць високо,
Зіроньки сяють.
Вийди, серденько,
Я виглядаю;
Хоч на годину,
Моя рибчино!
Виглянь, голубко,
Та поворкуєм,
Та посумуєм;
Бо я далеко
Сю ніч мандрую.
Виглянь же, пташко,
Моє серденько,
Поки близенько,
Та поворкуєм...
Ох, тяжко, важко!»
Отак, ходя попід гаєм,
Ярема співає,
Виглядає; а Оксани
Немає, немає.
Зорі сяють; серед неба
Горить білолиций;
Верба слуха соловейка,
Дивиться в криницю;
На калині, над водою,
Так і виливає,
Неначе зна, що дівчину
Козак виглядає.
А Ярема по долині
Ледве-ледве ходить,
Не дивиться, не слухає...
«Нащо мені врода,
Коли нема долі, нема талану!
Літа молодії марно пропадуть.
Один я на світі без роду, і доля —
Стеблина-билина на чужому полі.
Стеблину-билину вітри рознесуть:
Так і мене люде не знають, де діти.
За що ж одцурались? Що я сирота?
Одно було серце, одно на всім світі,
Одна душа щира, та бачу, що й та,
Що й та одцуралась».
І хлинули сльози.

Поплакав сердега, утер рукавом.
«Оставайсь здорова.
В далекій дорозі
Найду або долю, або за Дніпром
Ляжу головою...
А ти не заплачеш,

А ти не побачиш, як ворон клює
Ті карії очі, ті очі козачі,
Що ти цілувала, серденько моє!
Забудь мої сльози, забудь сиротину,
Забудь, що клялася; другого шукай;
Я тобі не пара: я в сірій свитині,
А ти титарівна.
Кращого вітай,
Вітай, кого знаєш... така моя доля.
Забудь мене, пташко, забудь, не журись
А коли почуєш, що на чужім полі
Поляг головою, – нишком помолись.
Одна, серце, на всім світі
Хоч ти помолися!»
Та й заплакав сіромаха,
На кий похилившись.
Плаче собі тихесенько...
Шелест!.. коли глянє:
Попід гаєм, мов ласочка,
Крадеться Оксана.
Забув; побіг; обнялися.
«Серце!» – та й зомліли.
Довго-довго тільки – «серце»,
Та й знову німіли.
«Годі, пташко!»
«Ще трошечки,
Ще... ще... сизокрилий!
Вийми душу!.. ще раз... ще раз.
Ох, як я втомилась!»
«Одпочинь, моя ти зоре!
Ти з неба злетіла!»
Послав свитку. Як ясочка,
Усміхнулась, сіла.
«Сідай же й ти коло мене».
Сів, та й обнялися.
«Серце моє, зоре моя,
Де це ти зоріла?»
«Я сьогодні забарилась:
Батько занедужав;
Коло його все поралась...»
«А мене й байдуже?»
«Який-бо ти, ей же богу!»

І сльози блиснули.
«Не плач, серце, я жартую».
«Жарти!» Усміхнулась.
Прихилилась головою
Та й ніби заснула.
«Бач, Оксано, я жартую,
А ти й справді плачеш.
Ну, не плач же, глянь на мене:
Завтра не побачиш.

Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксано...
Завтра вночі у Чигрині
Свячений достану.
Дасть він мені срібло-злото,
Дасть він мені славу;
Одягну тебе, обую,
Посаджу, як паву,
На дзиглику, як гетьманшу,
Та й дивитись буду;
Поки не вмру, дивитимусь».
«А може, й забудеш?
Розбагатієш, у Київ
Поїдеш з панами,
Найдеш собі шляхтяночку,
Забудеш Оксану!»
«Хіба краща є за тебе?»
«Може, й є, – не знаю».
«Гнівиш бога, моє серце:
Кращої немає
Ні на небі, ні за небом;
Ні за синім морем
Нема кращої за тебе!»
«Що се ти говориш?
Схаменися!»
«Правду, рибко!»
Та й знову, та й знову.
Довго вони, як бачите,
Меж мови-розмови
Цілувались, обнімались
З усієї сили;
То плакали, то божились,
То ще раз божились.
Їй Ярема розказував,
Як жить вони будуть
Укупочці, як золото
І долю добуде,
Як виріжуть гайдамаки
Ляхів в Україні,

Як він буде панувати,
Коли не загине.
Аж обридло слухаючи,
Далєбі, дівчата!
«Ото який! мов і справді
Обридло!» А мати
Або батько як побачать,
Що ви, мої любі,
Таке диво читаєте,
Гріха на всю губу!
Тоді, тоді... та цур йому,
А дуже цікаве!

А надто вам розказать би,
Як козак чорнявий
Під вербою, над водою,
Обнявшись, сумує;
А Оксана, як голубка,
Воркує, цілує;
То заплаче, то зомліє,
Головоньку схилить:
«Серце моє, доле моя!
Соколе мій милий!
Мій!...» – аж верби нагинались
Слухатъ тую мову.
Ото мова! Не розкажу,
Мої чорноброві,
Не розкажу против ночі,
А то ще присниться.
Нехай собі розійдуться
Так, як ізійшлися,
Тихесенько, гарнесенько,
Щоб ніхто не бачив
Ні дівочі дрібні сльози,
Ні щирі козачі.
Нехай собі... Може, ще раз
Вони на сім світі
Зустрінуться... побачимо...
А тим часом світить
З усіх вікон у титаря.
Що то там твориться?
Треба глянуть та розказать...
Бодай не дивиться!
Бодай не дивитись, бодай не казати!
Бо за людей сором, бо серце болить.
Гляньте, подивіться: то конфедерати,
Люде, що зібрались волю боронить.
Боронять, прокляті...
Будь проклята мати,

І день, і година, коли понесла,
Коли породила, на світ привела!
Дивіться, що роблять у титаря в хаті
Пекельнії діти.
У печі пала
Огонь і світить на всю хату,
В кутку собакою дрижить
Проклятий жид; конфедерати
Кричать до титаря: «Хоч жить?
Скажи, де гроші?»
Той мовчить.
Налигачем скрутили руки,
Об землю вдарили – нема,
Нема ні слова. «Мало муки!
Давайте приску! де смола?

Кропи його! отак! холоне?
Мерщій же приском посипай!
Що? скажеш, шельмо?... І не стогне!
Завзята бестія! стривай!»
Насипали в халяви жару...
«У тім'я цвяшок закатай!»
Не витерпів святої кари,
Упав сердега. Пропадай,
Душа, без сповіді святої!
«Оксано, дочко!» – та й умер.
Ляхи задумалися стоя,
Хоч і запеклі. «Що ж тепер?
Панове, ради! Поміркуєм,
Тепер з ним нічого робить,
Запалим церкву!» «Гвалт! рятуйте!
Хто в бога вірує!» – кричить
Надворі голос, що є сили.
Ляхи зомліли. «Хто такий?»
Оксана в двері: «Вбили! вбили!»
Та й пада крижем. А старший
Махнув рукою на громаду.
Понура шляхта, мов хорти,
За двері вийшла. Сам позаду,
Бере зомлілюю...
Де ж ти,
Яremo, де ти? подивися!
А він, мандруючи, співа,
Як Наливайко з ляхом бився.
Ляхи пропали; нежива
Пропала з ними і Оксана.
Собаки де-де по Вільшаній
Загавкають та й замовчать.
Біліє місяць; люде сплять,

І титар спить... Не рано встане:
Навіки, праведний, заснув.
Горіло світло, погасало,
Погасло... Мертвий мов здригнув.
І сумно-сумно в хаті стало.

СВЯТО В ЧИГИРИНІ

Гетьмани, гетьмани, якби-то ви встали,
Встали, подивились на той Чигирин,
Що ви будували, де ви панували!
Заплакали б тяжко, бо ви б не пізнали
Козацької слави убогих руїн.
Базари, де військо, як море червоне,
Перед бунчуками, бувало, горить,
А ясновельможний, на воронім коні,
Блисне булавою – море закипить...
Закипить, і розлилося
Степами, ярами;
Лихо мліє перед ними...
А за козаками...
Та що й казать? Минулося;
А те, що минуло,
Не згадуйте, пани-брати,
Бо щоб не почули.
Та й що з того, що згадаєш?
Згадаєш – заплачеш.
Ну, хоч глянем на Чигирин,
Колись-то козачий.
Із-за лісу, з-за туману,
Місяць впливає,
Червоніє, круглолиций,
Горить, а не сяє,
Неначе зна, що не треба
Людям його світу,
Що пожари Україну
Нагріють, освітять.
І смерклося, а в Чигирині,
Яку домовині.
Сумно-сумно. (Отак було
По всій Україні
Против ночі Маковія,
Як ножі святили).
Людей не чуть; через базар
Кажан костокрилий
Перелетить; на вигоні
Сова завиває.
А де ж люде?... Над Тясмином.
У темному гаю,
Зібралися; старий, малий,
Убогий, багатий
Поедналися, – дожидають
Великого свята.

У темному гаю, в зеленій діброві,
На припоні коні отаву скубуть;
Осідлані коні, вороні готові.

Куди-то поїдуть? кого повезуть?
Он кого, дивіться. Лягли по долині,
Неначе побиті, ні слова не чуть.
Ото гайдамаки. На гвалт України
Орли налетіли; вони рознесуть
Ляхам, жидам кару;
За кров і пожари
Пеклом гайдамаки ляхам оддадуть.
Попід дібровою стоять
Вози залізної тарані:
То щедрої гостинець пані.
Уміла що кому давать,
Нівроку їй, нехай царствує;
Нехай не вадить, як не чує!
Поміж возами нігде стать:
Неначе в ірій, налетіло
З Смілянщини, з Чигирина
Просте козацтво, старшина,
На певне діло налетіли.
Козацьке панство походить
В киреях чорних, як один,
Тихенько, ходя, розмовляє
І поглядає на Чигрин.

Старшина первий. Старий Головатий щось дуже коверзує.

Старшина другий. Мудра голова, сидить собі в хуторі, ніби не знає нічого, а дивишся – скрізь Головатий. «Коли сам, – каже, – не повершу, то синові передам».

Старшина третій. Та й син же штука! Я вчора зустрівся з Залізняком; таке розказує про його, що цур йому! «Кошовим, – каже, – буде, та й годі; а може, ще і гетьманом, коли тее...»

Старшина другий. А Гонта нащо? а Залізняк? До Гонти сама...» сама писала: «Коли, – каже...»

Старшина первий. Цитьте лишень, здається, дзвонять!

Старшина другий. Та ні, то люде гомонять.

Старшина первий. Гомонять, поки ляхи почують. Ох, старі голови та розумні: химерять-химерять та й зроблять з лемеша швайку. Де можна лантух, там торби не треба. Купили хріну, треба з'їсти; плачте, очі, хоч повилазьте: бачили, що купували; грошам не пропадать! А то думають, думають, ні вголос, ні мовчки; а ляхи догадаються – от тобі й пшик! Що там за рада? чом вони не дзвонять? Чим спиниш народ, щоб не гомонів? Не десять душ, а, слава богу, вся Смілянщина, коли не вся Україна. Он, чуєте? співають.

Старшина третій. Справді, співа щось; піду спиню.

Старшина первий. Не спиняй, нехай собі співає, аби не голосно.

Старшина другий. Ото, мабуть, Волох! Не втерпів-таки старий дурень; треба, та й годі!

Старшина третій. А мудро співає! коли не послухаєш, усе іншу. Підкрадьмось, братці, та послухаєм, а тим часом задзвонять.

Старшина первий і другий. А що ж? то й ходімо!

Старшина третій. Добре, ходімо.

Старшини нишком стали за дубом, а під дубом сидить сліпий кобзар; кругом його запорожці і гайдамаки. Кобзар співає з повагою і неголосно.

«Ой волохи, волохи,
Вас осталося трохи;
І ви, молдавани,
Тепер ви не пани;
Ваші господарі
Наймити татарам,
Турецьким султанам.
В кайданах, в кайданах!
Годі ж, не журіться;
Гарно помоліться,
Братайтеся з нами,
З нами, козаками;
Згадайте Богдана,
Старого гетьмана;
Будете панами,
Та, як ми, з ножами,
З ножами святими,
Та з батьком Максимом
Сю ніч погуляєм,
Ляхів погойдаєм,
Та так погуляєм,
Що аж пекло засміється,
Земля затрясється,
Небо запалає...
Добре погуляєм!»

Запорожець. Добре погуляєм! правду старий співа, як не бреше. А що б то з його за кобзар був, якби не волох!

Кобзар. Та я й не волох; так тільки – був колись у Волощині, а люде й зовуть Волохом, сам не знаю за що.

Запорожець. Ну, та дарма; утни ще яку-небудь. Ану лишень про батька Максима ушквар.

Гайдамака. Та не голосно, щоб не почувла старшина.

Запорожець. А що нам ваша старшина? почує, так послуха, коли має чим слухати, та й годі. У нас один старший – батько Максим; а він як почує, то ще карбованця дасть. Співай, старче божий, не слухай його.

Гайдамака. Та воно так, чоловіче; я це й сам знаю, та ось що: не так пани, як підпанки, або – поки сонце зійде, то роса очі виїсть.

Запорожець. Брехня! Співай, старче божий, яку знаєш, а то й дзвона не діждемо – поснемо.

Гуртом. Справді, поснемо; співай яку-небудь.

Кобзар (співає):

«Літа орел, літа сизий
Попід небесами;

Гуля Максим, гуля батько
Степами-лісами.
Ой літає орел сизий,
А за ним орлята;
Гуля Максим, гуля батько,
А за ним хлоп'ята.
Запорожці ті хлоп'ята,
Сини його, діти,
Поміркує, загадає,
Чи бити, чи пити,
Чи танцювать; то й ушкварять,
Аж земля трясеться.
Заспіває – заспівають,
Аж лихо сміється.
Горілку, мед не чаркою —
Поставцем черкає,
А ворога, заплющившись,
Ката, не минає.
Отакий-то наш отаман,
Орел сизокрилий!
І воює, і гарцює
З усієї сили.
Нема в його ні оселі,
Ні саду, ні ставу...
Степ і море; скрізь битий шлях,
Скрізь золото, слава.
Шануйтеся ж, вражі ляхи,
Скажені собаки:
Йде Залізник Чорним шляхом,
За ним гайдамаки».

Запорожець. Оце-то так! вчистив, нічого сказати: і до ладу, і правда. Добре, далебі, добре! Що хоче, то так і втне. Спасибі, спасибі.

Гайдамака. Я щось не второпав, що він співав про гайдамаків?

Запорожець. Який-бо ти бевзь і справді! Бачиш, ось що він співав: щоб ляхи погані, скажені собаки, каялись, бо йде Залізник Чорним шляхом з гайдамаками, щоб ляхів, бачиш, різати...

Гайдамака. І вішати, і мордувати! Добре, ей-богу, добре! Ну, це так! Далекі, дав би карбованця, якби був не пропив учора! Шкода! Ну, нехай стара в'язне, більше м'яса буде. Поборгуй, будь ласкав, завтра оддам. Утни ще що-небудь про гайдамаків.

Кобзар. До грошей я не дуже ласий. Аби була ласка слухати, поки не охрип, співатиму; а охрипну – чарочку, другу тії ледащиці-живиці, як то кажуть, та й знову. Слухайте ж, панове громадо!

«Ночували гайдамаки
В зеленій діброві,
На припоні пасли коні,
Сідлані, готові.
Ночували ляшки-панки

В будинках з жидами,
Напилися, простяглися
Та й...»

Громада. Цить лишень! здається, дзвонять. Чуєш?.. ще раз... о!.. «Задзвонили, задзвонили!» – Пішла луна гаєм. «Ідіть же ви та молітесь, а я доспіваю».

Повалили гайдамаки,
Аж стогне діброва;
Не повезли, а на плечах
Чумацькі волові
Несуть вози. А за ними
Сліпий Волох знову:
«Ночували гайдамаки
В зеленій діброві».
Шкандибає, курникає,
І гич не до речі.
«Ну лиш іншу, старче божий!» —
З возами на плечах
Кричать йому гайдамаки.
«Добре, хлопці, нате!
Отак! отак! добре, хлопці!
А нуте, хлоп'ята,
Ушкваримо!»
Земля гнеться.
А вони з возами
Так і ріжуть. Кобзар грає,
Додає словами: «Он гоп таки так!
Кличе Гандзю козак:
«Ходи, Гандзю, пожартую,
Ходи, Гандзю, поцілую;
Ходім, Гандзю, до попа
Богу помолиться;
Нема жита ні снопа,
Вари варениці».
Оженився, зажурився —
Нічого немає;
У ряднині ростуть діти,
А козак співає:
«І по хаті ти-ни-ни,
І по сінях ти-ни-ни,
Вари, жінко, лини,
Ти-ни-ни, ти-ни-ни!»
«Добре! Добре! Ще раз! Ще раз!»
Кричать гайдамаки.
«Ой гоп того дива!
Наварили ляхи пива,
А ми будем шинкувать,
Ляшків-панків частувать.

Ляшків-панків почасти́єм,
З панянками пожа́ртуєм.
Ой гоп таки так!
Кличе панну козак:
«Панно, пташко моя!
Панно, доле моя!
Не соромся, дай рученьку,
Ходім погуляймо;

Нехай людям лихо сниться,
А ми заспіваймо.
А ми заспіваймо,
А ми посідаймо,
Панно, пташко моя,
Панно, доле моя!»
«Ще раз, ще раз!»
«Якби таки або так, або с'як,
Якби таки запорозький козак,
Якби таки молодий, молодий,
Хоч по хаті б поводив, поводив.
Страх мені не хочеться
З старим дідом морочиться.
Якби таки...» «Цу-цу, скажені! схаменіться!
Бач, розходилися! А ти,
Стара собако, де б молиться,
Верзеш тут погань. От чорти!»
Кричить отаман. Опинились;
Аж церков бачать. Дяк співа,
Попи з кадилами, з кропилом;
Громада – ніби нежива,
Анітелень... Поміж возами
Попи з кропилами пішли;
За ними корогви несли,
Як на Великдень над пасками.
«Молітесь, братія, молітесь! —
Так благочинний начина.
Кругом святого Чигрина
Сторожа стане з того світу,
Не дасть святого розпинать.
А ви Україну ховайте:
Не дайте матері, не дайте
В руках у ката пропадать.
Од Конашевича і досі
Пожар не гасне, люде мруть,
Конають в тюрмах, голі, босі...
Діти нехрещені ростуть,
Козацькі діти; а дівчата!..
Землі козацької краса
У ляха в'яне, як перш мати,

І непокрита коса
Стидом січеться; карі очі
В неволі гаснуть; розкувать
Козак сестру свою не хоче,
Сам не соромиться конать
В ярмі у ляха... горе, горе!
Молітесь, діти! страшний суд
Ляхи в Україну несуть —
І заривають чорні гори.
Згадайте праведних гетьманів:
Де їх могили? де лежить

Останок славного Богдана?
Де Остряниціна стоїть
Хоч би убогая могила?
Де Наливайкова? нема!
Живого й мертвого спалили.
Де той Богун, де та зима?
Інгул щозиму замерзає —
Богун не встане загатить
Шляхетським трупом. Лях гуляє!
Нема Богдана — червонить
І Жовті Води, й Рось зелену.
Сумує Корсунь староденний:
Нема журбу з ким поділить.
І Альта плаче: «Тяжко жити!
Я сохну, сохну... де Тарас?
Нема, не чуть... не в батька діти!»
Не плачте, братія: за нас
І душі праведних, і сила
Архистратига Михаїла.
Не за горами кари час.
Молітесь, братія!»
Молились,
Молились щиро козаки,
Як діти, щиро; не журились,
Гадали тее... а зробилось —
Над козаками хусточки!
Одно добро, одна слава —
Біліє хустина,
Та й ту знімуть...
А дякон: «Нехай ворог гине!
Беріть ножі! освятили».
Ударили в дзвони,
Реве гаєм: «Освятили!»
Аж серце холоне!
Освятили, освятили!
Гине шляхта, гине!
Розібрали, заблищали

По всій Україні.

ТРЕТІ ПІВНІ

Ще день Україну катували
Ляхи скажені; ще один,
Один, останній, сумували
І Україна, і Чигрин.
І той минув – день Маковія,
Велике свято в Україні.
Минув – і лях, і жидовин
Горілки, крові упивались,
Кляли схизмата, розпинали,
Кляли, що нічого вже взять.
А гайдамаки мовчки ждали,
Поки поганці ляжуть спать.
Лягли, і в голови не клали,
Що вже їм завтра не вставать.
Ляхи заснули, а іуди
Ще лічать гроші уночі,
Без світла лічать бариші,
Щоб не побачили, бач, люде.
І ті на золоту лягли
І сном нечистим задрімали.
Дрімають... навіки бодай задрімали!
А тим часом місяць пливе оглядять
І небо, і зорі, і землю, і море
Та глянуть на люде, що вони моторять,
Щоб богові вранці про те розказать.
Світить білолиций на всю Україну,
Світить... а чи бачить мою сиротину,
Оксану з Вільшани, мою сироту?
Де її мордують, де вона воркує?
Чи знає Ярема? чи знає, чи чує?
Побачимо потім, а тепер не ту,
Не ту заспіваю, іншої заграю;
Лихо – не дівчата – буде танцювать.
Недолю співаю козацького краю;
Слухайте ж, щоб дітям потім розказать,
Щоб і діти знали, внукам розказали,
Як козаки шляхту тяжко покарали
За те, що не вміла в добрі панувать.
Гомоніла Україна,
Довго гомоніла,
Довго, довго кров степами
Текла-червоніла.
Текла, текла та й висохла.
Степи зеленіють;
Діди лежать, а над ними

Могили синіють.
Та що з того, що високі?
Ніхто їх не знає,

Ніхто щиро не заплаче,
Ніхто не згадає.
Тільки вітер тихесенько
Повіє над ними,
Тільки роси ранесенько
Сльозами дрібними
Їх умиють. Зійде сонце,
Осушить, пригріє;
А унуки? їм байдуже,
Панам жито сіють.
Багато їх, а хто скаже,
Де Гонти могила,
Мученика праведного
Де похоронили?
Де Залізник, душа щира,
Де одпочиває?
Тяжко! важко! Кат панує,
А їх не згадають.
Гомоніла Україна,
Довго гомоніла,
Довго, довго кров степами
Текла-червоніла.
І день, і ніч гвалт, гармати;
Земля стогне, гнеться;
Сумно, страшно, а згадаєш —
Серце усміхнеться.
Місяцю мій ясний! з високого неба
Сховайся за гору, бо світу не треба;
Страшно тобі буде, хоч ти й бачив Рось,
І Альту, і Сену, і там розлилось,
Не знать за що, крові широкее море.
А тепер що буде! Сховайся ж за гору;
Сховайся, мій друже, щоб не довелось
На старість заплакати...
Сумно, сумно серед неба
Сяє білолиций.
Понад Дніпром козак іде,
Може, з вечірниць.
Іде смутний, невеселий,
Ледве несуть ноги.
Може, дівчина не любить
За те, що убогий?
І дівчина його любить,
Хоч лата на латі.
Чорнобривий, а не згине,

То буде й багатий.
Чого ж смутний, невеселий
Іде – чуть не плаче?
Якусь тяжку недоленьку
Віщує козаче,
Чує серце, та не скаже,

Яке лихо буде.
Мине лихо... Кругом його
Мов вимерли люде.
Ані півня, ні собаки;
Тільки із-за гаю
Десь далеко сіроманці
Вовки завивають
Байдуже! іде Ярема,
Та не до Оксани,
Не в Вільшану на досвітки,
До ляхів поганих
У Черкаси. А там третій
Півень заспіває...
А там... а там... Йде Ярема,
На Дніпр поглядає.
«Ой Дніпре мій, Дніпре, широкий та дужий!
Багато ти, батьку, у море носив
Козацької крові; ще понесеш, друже!
Червонив ти синє, та не напоїв;
А сю ніч уп'єшся. Пекельнее свято
По всій Україні сю ніч зареве;
Потече багато, багато, багато
Шляхетської крові. Козак оживе;
Оживуть гетьмани в золотім жупані;
Прокинеться доля; козак заспіва:
«Ні жида, ні ляха», а в степах України —
О, боже мій милий – блисне булава!»
Так думав, ідучи в латаній свитині,
Сердега Ярема з свяченим в руках.
А Дніпр мов підслухав: широкий та синій,
Підняв гори-хвилі; а в очеретах
Реве, стогне, завиває,
Лози нагинає;
Грім гогоче, а блискавка
Хмару роздирає.
Іде собі наш Ярема,
Нічого не бачить;
Одна думка усміхнеться,
А друга заплаче.
«Там Оксана, там весело
І в сірій свитині;
А тут... а тут... що ще буде?

Може, ще загину».
А тим часом із байраку
Півень – кукуріку!
«А, Черкаси!.. боже милий!
Не вкороти віку!»

ЧЕРВОНІЙ БЕНКЕТ

Задзвонили в усі дзвони
По всій Україні;
Закричали гайдамаки:
«Гине шляхта, гине!
Гине шляхта! погуляєм
Та хмару нагрієм!»
Зайнялася Смілянщина,
Хмара червоніє.
А найперша Медведівка
Небо нагріває.
Горить Сміла, Смілянщина
Кров'ю підпливає.
Горить Корсунь, горить Канів,
Чигирин, Черкаси;
Чорним шляхом запалало,
І кров полилася
Аж у Волинь. По Поліссі Гонта бенкетує,
А Залізник в Смілянщині
Домаху гартує,
У Черкасах, де й Ярема
Пробує свячений.
«Отак, отак! добре, діти,
Мордуйте скажених!
Добре, хлопці!» – на базарі
Залізник гукає.
Кругом пекло; гайдамаки
По пеклу гуляють.
А Ярема – страшно глянуть
По три, по чотири
Так і кладе. «Добре, сину,
Матері їх хиря!
Мордуй, мордуй, в раю будеш
Або есаулом.
Гуляй, сину! нуте, діти!»
І діти майнули
По горищах, по коморах,
По льохах, усюди;
Всіх уклали, все забрали.
«Тепер, хлопці, буде!
Утомились, одпочиньте».
Улиці, базари
Крились трупом, плили кров'ю.
«Мало клятим кари!
Ще раз треба перемучить,
Щоб не повставали

Нехрещені, кляті душі».
На базар збирались
Гайдамаки. Йде Ярема,
Залізняк гукає:
«Чуєш, хлопче? ходи сюди!
Не бійсь, не злякаю».

«Не боюся!» Знявши шапку,
Став, мов перед паном.
«Відкіля ти? хто ти такий?»
«Я, пане, з Вільшани».
«З Вільшаної, де титаря
Пси замордували?»
«Де? якого?» «У Вільшаній;
І кажуть, що вкрали
Дочку його, коли знаєш».
«Дочку, у Вільшаній?»
«У титаря, коли знавав».
«Оксано, Оксано!» —
Ледве вимовив Ярема
Та й упав додолу.
«Еге! ось що... Шкода хлопця,
Провітри, Миколо!»
Провітрився. «Батьку! брате!
Чом я не сторукий?
Дайте ножа, дайте силу,
Муки ляхам, муки!
Муки страшної, щоб пекло
Тряслося та мліло!»
«Добре, сину, ножі будуть
На святее діло.
Ходім з нами у Лисянку
Ножі гартувати!»
«Ходім, ходім, отамане,
Батьку ти мій, брате,
Мій єдиний! На край світа
Полечу, достану,
З пекла вирву, отамане...
На край світа, пане...
На край світа, та не найду,
Не найду Оксани!»
«Може, й найдеш. А як тебе
Зовуть? я не знаю».
«Яремою».
«А прізвище?»
«Прізвища немає!»
«Хіба байстрюк? Без прізвища
Запиши, Миколо,
У реєстер. Нехай буде —

Нехай буде Голий,
Так і пиши!» «Ні, погано!»
«Ну, хіба Бідою?»
«І це не так».
«Стривай лишень,
Пиши Галайдою».
Записали. «Ну, Галайдо,
Поїдем гуляти.
Найдеш долю... а не найдеш...

Рушайте, хлоп'ята».
І Яремі дали коня
Зайвого з обозу.
Усміхнувся на воронім
Та й знову у сльози.
Виїхали за царину;
Палають Черкаси...
«Чи всі, діти?» «Усі, батьку!»
«Гайда!» Простяглася
По діброві понад Дніпром
Козацька ватага.
А за ними кобзар Волох
Переваги-ваги
Шкандибав на конику,
Козакам співає:
«Гайдамаки, гайдамаки,
Залізник гуляє».
Поїхали... а Черкаси
Палають, палають.
Байдуже, ніхто й не гляне.
Сміються та лають
Кляту шляхту. Хто балака,
Хто кобзаря слуха.
А Залізник попереду,
Нашпорошив уха;
Іде собі, люльку курить,
Нікому ні слова.
А за ним німий Ярема.
Зелена діброва,
І темний гай, і Дніпр дужий,
І високі гори,
Небо, зорі, добро, люде
І лютеє горе —
Все пропало, все! нічого
Не знає, не бачить,
Як убитий. Тяжко йому,
Тяжко, а не плаче.
Ні, не плаче: змія люта,
Жадна випиває

Його сльози, давить душу,
Серце роздирає.
«Ой ви, сльози, дрібні сльози!
Ви змиєте горе;
Змийте його... тяжко! нудно!
І синього моря,
І Дніпра, щоб вилить люте,
І Дніпра не стане.
Занапастить хіба душу?
Оксано, Оксано!
Де ти, де ти? подивися,
Моя ти єдина,

Подивися на Ярему.
Де ти? Може, гине,
Може, тяжко клене долю,
Клене, умирає
Або в пана у кайданах
У склепу конає.
Може, згадує Ярему,
Згадує Вільшану,
Кличе чого: «Серце моє,
Обніми Оксану!
Обнімемось, мій соколе!
Навіки зомлієм.
Нехай ляхи знущаються,
Не почуєм!..» Віє,
Віє вітер з-за Лиману,
Гне тополю в полі,
І дівчина похилиться,
Куди гне недоля.
Посумує, пожуриться,
Забуде... і, може...
У жупані, сама пані;
А лях... боже, боже!
Карай пеклом мою душу,
Вилий муки море,
Розбий кару надо мною,
Та не таким горем
Карай серце: розірветься,
Хоч би було камень.
Доле моя! серце моє!
Оксано, Оксано!
Де ти ділася-поділась?»
І хлинули сльози;
Дрібні-дрібні полилися.
Де вони взялися!
А Залізняк гайдамакам
Каже опинитись:

«У ліс, хлопці! вже світає,
І коні пристали:
Попасемо», – і тихенько
У лісі сховались.

ГУПАЛІВЩИНА

Зійшло сонце; Україна
Де палала, тліла,
А де шляхта, запертися,
У будинках мліла.
Скрізь по селах шибениці;
Навішано трупу —
Тільки старших, а так шляхта
Купою на купі.
На улицах, на розпуттях
Собаки, ворони
Гризуть шляхту, клюють очі;
Ніхто не боронить.
Та й нікому: осталися
Діти та собаки,
Жінки навіть з рогачами
Пішли в гайдамаки.
Отаке-то було лихо
По всій Україні!
Гірше пекла... А за віщо,
За що люде гинуть?
Того ж батька, такі ж діти,
Жити б та брататься.
Ні, не вміли, не хотіли,
Треба роз'єднатися!
Треба крові, брата крові,
Бо заздро, що в брата
Є в коморі і надворі,
І весело в хаті!
«Уб'єм брата! спалим хату!» —
Сказали, і сталося.
Все б, здається; ні, на кару
Сироти осталися.
В сльозах росли, та й вирости;
Замучені руки
Розв'язались – і кров за кров,
І муки за муки!
Болить серце, як згадаєш:
Старих слов'ян діти
Впились кров'ю. А хто винен?
Ксьондзи, єзуїти.
Мандрували гайдамаки
Лісами, ярами,
А за ними і Галайда
З дрібними сльозами.
Вже минули Воронівку,

Вербівку; в Вільшану
Приїхали. «Хіба спитать,
Спитать про Оксану?
Не питаю, щоб не знали,
За що пропадаю».

А тим часом гайдамаки
Й Вільшану минають.
Питається у хлопчика:
«Що, титаря вбили?»
«Ба ні, дядьку; батько казав,
Що його спалили
Оті ляхи, що там лежать,
І Оксану вкрали.
А титаря на цвинтарі
Вчора поховали».
Не дослухав... «Неси, коню!»
І поводи кинув.
«Чом я вчора, поки не знав,
Вчора не загинув!
А сьогодні, коли й умру,
З домовини встану
Ляхів мучить. Серце моє!
Оксано! Оксано!
Де ти?»
Замок, зажурився,
Поїхав ходою.
Тяжко-важко сіромасі
Боротись з нудьгою.
Догнав своїх. Боровиків
Вже хутір минають.
Корчма тліє з стодолюю,
А Лейби немає.
Усміхнувся мій Ярема,
Тяжко усміхнувся.
Отут, отут позавчора
Перед жидом гнувся,
А сьогодні... та й жаль стало,
Що лихо минуло.
Гайдамаки понад яром
З шляху повернули.
Наганяють півпарубка.
Хлопець у свитині
Полатаній, у постолах;
На плечах торбина.
«Гей, старченя! стривай лишень!»
«Я не старець, пане!
Я, як бачте, гайдамака».
«Який же поганий!»

«Відкіля ти?»
«З Керелівки».
«А Будища знаєш?
І озеро коло Будищ?»
«І озеро знаю,
Отам воно; оцим яром
Втрапите до його».
«Що, сьогодні ляхів бачив?»

«Нігде ні одного;
А вчора було багато.
Вінки не святити:
Не дали ляхи прокляті.
Зате ж їх і били,
І я, й батько святим ножем;
А мати нездужа,
А то й вона б». «Добре, хлопче.
Ось на ж тобі, друже,
Цей дукачик, та не згуби».
Узяв золотого,
Подивився: «Спасибі вам!»
«Ну, хлопці, в дорогу!
Та чуєте? без гомону.
Галайдо, за мною!
В оцім яру є озеро
Й ліс попід горою,
А в лісі скарб. Як приїдем,
То щоб кругом стали,
Скажи хлопцям. Може, льохи
Стерегти осталась
Яка погань».
Приїхали.
Стали кругом ліса;
Дивляться – нема нікого...
«Ту їх достобіса!
Які груші уродили!
Збивайте, хлоп'ята!
Швидше! швидше!
Отак, отак! І конфедерати
Посипалися додолу,
Груші гнилобокi.
Позбивали, упорались;
Козакам нівроку,
Найшли льохи, скарб забрали,
У ляхів кишені
Потрусили та й потягли
Карати мерзенних
У Лисянку.

БЕНКЕТ У ЛИСЯНЦІ

Смеркалося. Із Лисянки
Кругом засвітило:
Ото Гонта з Залізняком
Люльки закурили.
Страшно, страшно закурили!
І в пеклі не вміють
Отак курить. Гнилий Тікич
Кров'ю червоніє
Шляхетською, жидівською;
А над ним палають
І хатина, і будинок;
Мов доля карає
Вельможного й неможного.
А серед базару
Стоїть Гонта з Залізняком,
Кричать: «Ляхам кари!
Кари ляхам, щоб каялись!»
І діти карають.
Стогнуть, плачуть; один просить,
Другий проклинає;
Той молиться, сповідає
Гріхи перед братом,
Уже вбитим. Не милують,
Карають, завзяті.
Як смерть люта, не вважають
На літа, на вроду
Шляхтяночки й жидівочки.
Тече кров у воду.
Ні каліка, ані старий,
Ні мала дитина
Не остались, – не вблагали
Лихої години.
Всі полягли, всі покотом;
Ні душі живої
Шляхетської й жидівської.
А пожар удвоє
Розгорівся, розпалався
До самої хмари.
А Галайда, знай, гукає:
«Кари ляхам, кари!»
Мов скажений, мертвих ріже,
Мертвих віша, палить.
«Дайте ляха, дайте жида!
Мало мені, мало!
Дайте ляха, дайте крові

Наточить з поганих!
Крові море... мало моря...
Оксано! Оксано!
Де ти?» – крикне й сховається
В полум'ї, в пожарі.
А тим часом гайдамаки

Столи вздовж базару
Поставили, несуть страву,
Де що запопали,
Щоб засвітла повечерять.
«Гуляй!» – загукали.
Вечеряють, а кругом їх
Пекло червоніє.
У полум'ї, повішані
На кроквах, чорніють
Панські трупи.
Горять крокви
І падають з ними.
«Пийте, діти! пийте, лийте!
З панами такими,
Може, ще раз зустрінемось,
Ще раз погуляєм.
І поставець одним духом
Залізник черкає.
За прокляті ваші трупи,
За душі прокляті
Ще раз вип'ю! Пийте, діти!
Вип'єм, Гонто, брате!
Вип'єм, друже, погуляєм
Укупочці, в парі.
А де ж Волох? заспівай лиш
Нам, старий кобзарю!
Не про дідів, бо незгірше
Й ми ляхів караєм;
Не про лихо; бо ми його
Не знали й не знаєм.
Веселої утни, старче,
Щоб земля ломилась,
Про вдовицю-молодицю,
Як вона журилась».

(Кобзар грає й приспівує):

«Од села до села Танці та музики;
Курку, яйця продала —
Маю черевики.
Од села до села
Буду танцювати:

Ні корови, ні вола —
Осталася хата.
Я оддам, я продам
Кумові хатину,
Я куплю, я зроблю
Яточку під тином;
Торгувать, шинкувать
Буду чарочками,
Танцювать та гулять
Таки з парубками.
Ох ви, дітки мої,

Мої голуб'ята,
Не журіться, подивіться,
Як танцює мати.
Сама в найми піду,
Діток в школу оддам,
А червоним черевичкам
Таки дам, таки дам!»
«Добре! добре! Ну, до танців,
До танців, кобзарю!»
Сліпий вшкварив – навприсядки
Пішли по базару.
Земля гнеться. «Нумо, Гонто!»
«Нум, брате Максиме!
Ушкваримо, мій голубе,
Поки не загинем!»
«Не дивуйтеся, дівчата,
Що я обідрався;
Бо мій батько робив гладко,
То й я в його вдався».
«Добре, брате, ей же богу!»
«Ану ти, Максиме!»
«Постривай лиш!»
Отак чини, як я чиню:
Люби дочку абичию —
Хоч попову, хоч дякову,
Хоч хорошу мужикову».
Всі танцюють, а Галайда
Не чує, не бачить.
Сидить собі кінець стола,
Тяжко-важко плаче,
Як дитина. Чого б, бачся?
В червонім жупані,
І золото, і слава є,
Та нема Оксани;
Ні з ким долю поділити,
Ні з ким заспівати;
Один, один сиротою

Мусить пропадати.
А того, того й не знає,
Що його Оксана
По тім боці за Тікичем
В будинку з панами,
З тими самими ляхами,
Що замордували
Її батька. Недолюди,
Тепер заховались
За мурами та дивитесь,
Як жиди конають,
Брати ваші! А Оксана
В вікно поглядає
На Лисянку засвічену.

«Де то мій Ярема?» – Сама думає.
Не знає, Що він коло неї,
У Лисянці, не в свитині —
В червонім жупані,
Сидить один та думає:
«Де моя Оксана?
Де вона, моя голубка
Приборкана, плаче?»
Тяжко йому.
А із яру
В киреї козачій
Хтось крадеться.
«Хто ти такий?»
Галайда питає.
«Я посланець пана Гонти.
Нехай погуляє,
Я підожду». «Ні, не діждеш,
Жидівська собако!»
«Ховай боже, який я жид!
Бачиш? Гайдамака!
Ось копійка... подивися...
Хіба ти не знаєш?»
«Знаю, знаю, – і свячений
З халяви виймає.
Признавайсь, проклятий жиде,
Де моя Оксана?»
Та й замахнувся. «Ховай боже!..
В будинку... з панами...
Вся в золоті...»
«Виручай же!
Виручай, проклятий!»
«Добре, добре...
Які ж бо ви, Яремо, завзяті!
Іду зараз і виручу:

Гроші мур ламають.
Скажу ляхам – замість Паца...»
«Добре, добре! знаю. Іди швидче!»
«Зараз, зараз! Гонту забавляйте,
З півупруга, а там нехай. Ідіть же гуляйте...
Куди везти?» «У Лебедин!
У Лебедин, – чуєш?»
«Чую, чую». І Галайда
З Гонтою танцює.
А Залізняк бере кобзу:
«Потанцюй, кобзарю,
Я заграю».
Навприсядки
Сліпий по базару
Оддирає постоломи,
Додає словами: «На городі пастернак;
Чи я ж тобі не козак, не козак?

Чи я ж тебе не люблю, не люблю?
Чи я ж тобі черевичків не куплю?
Куплю, куплю чорпнобрива.
Куплю, куплю того дива.
Буду, серце, ходить,
Буду, серце, любить».
«Ой гоп, гопака!
Полюбила козака,
Та рудого, та старого —
Лиха доля така.
Іди ж доле, за журбою,
А ти, старий, за водою,
А я – так до шинку.
Вип'ю чарку, вип'ю другу,
Вип'ю третю на потуху.
П'яту, шосту, та й кінець.
Пішла баба у танець,
А за нею горобець
Викрутасом-вихилясом...
Молодець горобець!
Старий рудий бабу кличе,
А та йому дулі тиче:
«Оженився, сатано,
Заробляй же на пшоно;
Треба діток годувать,
Треба діток одягать.
А я буду добувать,
А ти, старий, не гріши,
Та в запічку колиши,
Та мовчи, не диши».
«Як була я молодою преподобницею,

Повісила хвартушину над віконницею;
Хто йде – не мине,
То кивне, то моргне.
А я шовком вишиваю,
В кватирочку виглядаю:
Семени, Івани,
Надівайте жупани,
Та ходімо погуляймо,
Та сядемо заспіваймо».
«Заганяйте квочку в бочку,
А курчата в вершу І... гу!
Загнув батько дугу,
Тягне мати супоню.
А ти зав'яжи, доню».
«Чи ще? чи годі?» «Ще, ще!
Хоч погану! самі ноги носять»
«Ой сип сирівець
Та криши опеньки:
Дід та баба,
То й до ладу, Обое раденькі.

* * *

Ой, сип сирівець
Та криши петрушку:

* * *

Ой, сип сирівець
Та накриши хріну:

* * *

Ой, сип воду, воду
Та пошукай броду, броду...»
«Годі, годі! – кричить Гонга.
Годі, погасає.
Світла, діти!.. А де Лейба?
Ще його немає?
Найти його та повісить.
Петелька свиняча!
Гайда, діти! погасає

Каганець козачий».
А Галайда: «Отамане!
Погуляймо, батьку!
Дивись – горить; на базарі
І видко, і гладко.
Потанцюєм. Грай, кобзарю!»
«Не хочу гуляти!
Огню, діти! дьогтю, ключця!
Давайте гармати;
В потайники пустить огонь!
Думають, жартую!»
Заревіли гайдамаки:
«Добре, батьку! чуєм!»
Через греблю повалили,
Гукають, співають.
А Галайда кричить: «Батьку!
Стійте!.. пропадаю!
Постривайте, не вбивайте:
Там моя Оксана.
Годиночку, батьки мої!
Я її достану!»
«Добре, добре!.. Залізняка,
Гукни, щоб палили.
Преподобиться з ляхами...
А ти, сизокрилий,
Найдеш іншу».
Оглянувся —
Галайди немає.
Ревуть гори – і будинок
З ляхами гуляє
Коло хмари. Що осталося,
Пеклом запалало...
«Де Галайда?» – Максим кличе.
І сліду не стало...
Поки хлоп'ята танцювали,
Ярема з Лейбою прокralись
Аж у будинок, в самий льох;
Оксану вихопив чуть живу
Ярема з льоху та й полинув
У Лебедин...

ЛЕБЕДИН

«Я сирота з Вільшаної,
Сирота, бабусю.
Батька ляхи замучили,
А мене... боюся.
Боюсь згадать, моя сиза...
Узяли з собою.
Не розпитуй, бабусенько,
Що було зо мною.
Я молилась, я плакала,
Серце розривалось,
Сльози сохли, душа мерла...
Ох, якби я знала,
Що побачу його ще раз,
Що побачу знову,
Вдвоє, втрое б витерпіла
За єдине слово!
Вибачай, моя голубко!
Може, я грішила,
Може, бог за те й карає,
Що я полюбила,
Полюбила стан високий
І карії очі,
Полюбила, як уміла,
Як серденько хоче.
Не за себе, не за батька
Молилась в неволі,
Ні, бабусю, а за його,
За милого, долю.
Карай, боже! твою правду
Я витерпіть мушу.
Страшно сказати: я думала
Занапастить душу.
Якби не він, може б... може,
І занапастила.
Тяжко було! Я думала:
«О, боже мій милий!
Він сирота, – хто без мене
Його привітає?
Хто про долю, про недолю,
Як я, розпитає?
Хто обійме, як я, його?
Хто душу покаже?
Хто сироті убогому
Добре слово скаже?»
Я так думала, бабусю,

І серце сміялось:
«Я сирота: без матері,

Без батька осталась,
І він один на всім світі,
Один мене любить;
А почує, що я вбилась,
То й себе погубить».
Так я думала, молилась,
Ждала, виглядала.
Нема його, не прибуде,
Одна я осталась...»
Та й заплакала. Черниця,
Стоя коло неї,
Зажурилась. «Бабусенько!
Скажи мені, де я?»
«В Лебедині, моя пташко,
Не вставай: ти хвора».
«В Лебедині! чи давно я?»
«Ба ні, позавчора».
«Позавчора?.. Стривай, стривай...
Пожар над водою...
Жид, будинок, Майданівка...
Зовуть Галайдою...»
«Галайдою Яремою
Себе називає
Той, що привіз...»
«Де він, де він?
Тепер же я знаю!..»
«Через тиждень обіцявся
Прийти за тобою».
«Через тиждень! через тиждень!
Раю мій, покою!
Бабусенько, минулася
Лихая година!
Той Галайда – мій Ярема!..
По всій Україні
Його знають. Я бачила,
Як села горіли;
Я бачила – кати-ляхи
Трусилися, мліли,
Як хто скаже про Галайду.
Знають вони, знають,
Хто такий, і відкіля він,
І кого шукає!..
Мене шукав, мене найшов.
Орел сизокрилий!
Прилітай же, мій соколе,
Мій голубе сизий!

Ох, як весело на світі,
Як весело стало!
Через тиждень, бабусенько..
Ще три дні осталось.
Ох, як довго!..

«Загрібай, мамо, жар, жар,
Буде тобі дочки жаль, жаль...
Ох, як весело на світі!
А тобі, бабусю,
Чи весело?» «Я тобою,
Пташко, веселюся».
«А чом же ти не співаєш?»
«Я вже одспівала...»
Задзвонили до вечерні;
Оксана осталась,
А черниця, помолившись,
В храм пошкандибала.
Через тиждень в Лебедині
У церкві співали:
Ісаїя, ли й куй!
Вранці Ярему вінчали;
А ввечері мій Ярема
(От хлопець звичайний!),
Щоб не сердить отамана,
Покинув Оксану:
Ляхів кінча; з Залізняком
Весілля справляє
В Уманщині, на пожарах.
Вона виглядає,
Виглядає, чи не їде
З боярами в гості —
Перевезти із келії
В хату на помості.
Не журися, сподівайся
Та богу молися.
А мені тепер на Умань
Треба подивитись.

ГОНТА В УМАНІ

Хвалилися гайдамаки, на Умань ідучи:
«Будем драти, пане-брате,
З китайки онучі».
Минають дні, минає літо,
А Україна, знай, горить;
По селах голі плачуть діти —
Батьків немає. Шелестить
Пожовкле листя по діброві;
Гуляють хмари; сонце спить;
Нігде не чуť людської мови;
Звір тільки виє по селу,
Гризучи трупи. Не ховали,
Вовків ляхами годували,
Аж поки снігом занесло
Огризки вовчі...
Не спинила хуртовина
Пекельної кари:
Ляхи мерзли, а козаки
Грілись на пожарі.
Встала й весна, чорну землю
Сонну розбудила,
Уквітчала її рястом,
Барвінком укрила;
І на полі жайворонок,
Соловейко в гаї
Землю, убрану весною,
Вранці зустрічають
Рай, та й годі! А для кого?
Для людей. А люде?
Не хотять на його й глянуть,
А глянуть — огудять.
Треба кров'ю домальовать,
Освітить пожаром;
Сонця мало, рясту мало,
І багато хмари.
Пекла мало!.. Люде, люде!
Коли-то з вас буде
Того добра, що маєте?
Чудні, чудні люде!
Не спинила весна крові,
Ні злості людської.
Тяжко глянуть; а згадаєм —
Так було і в Трої.
Так і буде.
Гайдамаки

Гуляють, карають;
Де проїдуть – земля горить,
Кров'ю підпливає.
Придбав Максим собі сина

На всю Україну.
Хоч не рідний син Ярема,
А щира дитина.
Максим ріже, а Ярема
Не ріже – лютує:
З ножем в руках, на пожарах
І днює й ночує.
Не милує, не минає
Нігде ні одного:
За титаря ляхам платить,
За батька святого,
За Оксану... та й зомліє,
Згадавши Оксану.
А Залізняк: «Гуляй, сину,
Поки доля встане!
Погуляєм!»
Погуляли
Купою на купі
Од Києва до Умані
Лягли ляхи трупом.
Як та хмара, гайдамаки
Умань обступили
Опівночі; до схід сонця
Умань затопили;
Затопили, закричали:
«Карай ляха знову!»
Покотились по базару
Кінні пародові;
Покотились малі діти
І каліки хворі. Гвалт і галас.
На базарі, Як посеред моря
Кровавого, стоїть Гонто
З Максимом завзятим.
Кричать удвох: «Добре, діти!
Отак їх, проклятих!»
Аж ось ведуть гайдамаки
Ксьондза-єзуїта
І двох хлопців. «Гонто, Гонто!
Оце твої діти.
Ти нас ріжеш – заріж і їх:
Вони католики.
Чого ж ти став? чом не ріжеш?
Поки невеликі,
Заріж і їх, бо виростуть,

То тебе заріжуть...»
«Убийте пса! а собачат
Своею заріжу.
Клич громаду. Признавайтесь,
Що ви католики!»
«Католики... бо нас мати...»
«Боже мій великий!

Мовчіть, мовчіть! знаю, знаю!»
Зібралась громада.
«Мої діти католики...
Щоб не було зради,
Щоб не було поговору,
Панове громадо!
Я присягав, брав свячений
Різати католика.
Сини мої, сини мої!
Чом ви не великі?
Чом ви ляха не ріжете?...»
«Будем різати, тату!»
«Не будете! не будете!
Будь проклята мати,
Та проклята католичка,
Що вас породила!
Чом вона вас до схід сонця
Була не втопила?
Менше б гріха: ви б умерли
Не католиками;
А сьогодні, сини мої,
Горе мені з вами!
Поцілуйте мене, діти,
Бо не я вбиваю,
А присяга». Махнув ножом —
І дітей немає!
Попадали зарізані.
«Тату! – белькотали,
Тату, тату... ми не ляхи!
Ми...» – та й замовчали.
«Поховать хіба?» «Не треба!
Вони католики.
Сини мої, сини мої!
Чом ви не великі?
Чом ворога не різали?
Чом матір не вбили,
Ту прокляту католичку,
Що вас породила?..
Ходім, брате!»
Взяв Максима,
Пішли вздовж базару

І обидва закричали:
«Кари ляхам, кари!»
І карали: страшно, страшно
Умань запалала.
Ні в будинку, ні в костьолі,
Нігде не осталося,
Всі полягли. Того лиха
Не було ніколи,
Що в Умані робилося.
Базиліан школу»,

Де учились Гонти діти,
Сам Гонта руйнує:
«Ти поїла моїх діток! —
Гукає, лютує.
Ти поїла невеликих,
Добру не навчила!..
Валіть стіни!»
Гайдамаки
Стіни розвалили,
Розвалили, об каміння
Ксьондзів розбивали,
А школярів у криниці
Живих поховали.
До самої ночі ляхів мордували;
Душі не осталося.
А Гонта кричить:
«Де ви, людоїди? де ви поховались?
З'їли моїх діток, — тяжко мені жить!
Тяжко мені плакати! ні з ким говорить!
Сини мої любі, мої чорноброві!
Де ви поховались? Крові мені, крові!
Шляхетської крові, бо хочеться пити,
Хочеться дивитись, як вона чорніє,
Хочеться напиться... Чом вітер не віє,
Ляхів не навіє?... Тяжко мені жить!
Тяжко мені плакати! Праведнії зорі!
Сховайтесь за хмару: я вас не займав,
Я дітей зарівав!.. Горе мені, горе!
Де я прихилюся?»
Так Гонта кричав,
По Умані бігав. А серед базару,
В крові, гайдамаки ставили столи;
Де що запопали, страви нанесли
І сіли вечерять. Остатня кара,
Остатня вечеря! «Гуляйте, сини!
Пийте, поки п'ється, бийте, поки б'ється! —
Залізник гукає,
— Ану, навісний,

Ушквар нам що-небудь, нехай земля гнеться,
Нехай погуляють мої козаки!»
І кобзар ушкварив:
«А мій батько орандар, Чоботар;
Моя мати пряха
Та сваха;
Брати мої, соколи,
Привели і корову із діброви,
І намиста нанесли.
А я собі Христя
В намисті,
А на лиштві листя
Та листя,

І чоботи, і підкови.
Вийду вранці до корови,
Я корову напою,
Подою,
З парубками постою,
Постою». «Ой гоп по вечері,
Замикайте, діти, двері,
А ти, стара, не журись
Та до мене пригорнись!»
Всі гуляють. А де ж Гонта?
Чом він не гуляє?
Чому не п'є з козаками?
Чому не співає?
Нема його; тепер йому,
Мабуть, не до неї,
Не до співи.
А хто такий
У чорній киреї
Через базар переходить?
Став; розрива купу
Ляхів мертвих: шука когось.
Нагнувся, два трупи
Невеликих взяв на плечі
І, позад базару,
Через мертвих переступа,
Криється в пожарі За костьолом.
Хто ж це такий? Гонта, горем битий,
Несе дітей поховати,
Землею накрити,
Щоб козацьке мале тіло
Собаки не їли. І темними улицями,
Де менше горіло,
Поніс Гонта дітей своїх,
Щоб ніхто не бачив,
Де він синів поховає

І як Гонта плаче.
Виніс в поле, геть од шляху,
Свячений виймає
І свяченим копа яму.
А Умань палає,
Світить Гонті до роботи
І на дітей світить.
Неначе сплять одягнені.
Чого ж страшні діти?
Чого Гонта ніби краде
Або скарб ховає?
Аж труситься. Із Умані
Де-де чуть – гукають
Товариші-гайдамаки;
Гонта мов не чує,
Синам хату серед степу

Глибоку будує.
Та й збудував. Бере синів,
Кладе в темну хату
Й не дивиться, ніби чує:
«Ми не ляхи, тату!»
Поклав обох; із кишені
Китайку виймає;
Поцілував мертвих в очі,
Хрестить, накриває
Червоною китайкою
Голови козачі.
Розкрив, ще раз подивився...
Тяжко-важко плаче:
«Сини мої, сини мої!
На ту Україну
Дивітеся: ви за неї
Й я за неї гину.
А хто мене поховає?
На чужому полі
Хто заплаче надо мною?
Доле моя, доле!
Доле моя нещаслива!
Що ти наробила?
Нащо мені дітей дала?
Чом мене не вбила?
Нехай вони б поховали,
А то я ховаю».
Поцілував, перехрестив,
Покрив, засипає:
«Спочивайте, сини мої,
В глибокій оселі!
Сука мати не придбала

Нової постелі.
Без васильків і без рути
Спочивайте, діти,
Та благайте, просіть бога,
Нехай на сім світі
Мене за вас покарає,
За гріх сей великий.
Просіть, сини! я прощаю,
Що ви католики».
Зрівняв землю, покрит дерном,
Щоб ніхто не бачив,
Де полягли Гонти діти,
Голови козачі.
«Спочивайте, виглядайте,
Я швидко прибуду.
Укоротив я вам віку,
І мені те буде.
І мене вб'ють... коли б швидче!
Та хто поховає?

Гайдамаки!.. Піду ще раз.
Ще раз погуляю!..»
Пішов Гонта похилившись;
Іде, спотикнеться.
Пожар світить; Гонта гляне,
Гляне – усміхнеться.
Страшно, страшно усміхався,
На степ оглядався.
Утер очі... тільки мріє
В диму, та й сховався.

ЕПІЛОГ

Давно те минуло, як, мала дитина,
Сирота в ряднині, я колись блукав
Без свити, без хліба по тій Україні,
Де Залізняк, Гонта з свяченим гуляв.
Давно те минуло, як тими шляхами,
Де йшли гайдамаки, – малими ногами
Ходив я, та плакав, та людей шукав,
Щоб добру навчили. Я тепер згадав,
Згадав, та й жаль стало, що лихо минуло.
Молодее лихо! якби ти вернулось,
Проміняв би долю, що маю тепер.
Згадаю те лихо, степи ті безкраї,
І батька, і діда старого згадаю...
Дідусь ще гуляє, а батько вже вмер.
Бувало, в неділю, закривши мінею,
По чарці з сусідом випивши тієї,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліївщину, як колись бувало,
Як Залізняк, Гонта ляхів покарав.
Столітнії очі, як зорі, сіяли,
А слово за словом сміялось, лилось:
Як ляхи конали, як Сміла горіла.
Сусіди од страху, од жалю німіли.
І мені, малому, не раз довелось
За титаря плакати. І ніхто не бачив,
Що мала дитина у куточку плаче.
Спасибі, дідусю, що ти заховав
В голові столітній ту славу козачу:
Я її онукам тепер розказав.
Вибачайте, люде добрі,
Що козацьку славу
Так навмання розказую,
Без книжної справи.
Так дід колись розказував,
Нехай здоров буде!
А я за ним. Не знав старий,
Що письменні люде
Тії речі прочитають.
Вибачай, дідусю,
Нехай лають; а я поки
До своїх вернуся
Та доведу вже до краю,
Доведу – спочину
Та хоч крізь сон подивлюся
На ту Україну,

Де ходили гайдамаки

З святими ножами,
На ті шляхи, що я міряв Малими ногами.
Погуляли гайдамаки,
Добре погуляли:
Трохи не рік шляхетською
Кров'ю напували
Україну, та й замовкли —
Ножі пощербили.
Нема Гонти; нема йому
Хреста, ні могили.
Буйні вітри розмахали
Попіл гайдамаки,
І нікому помолитись,
Нікому заплакати.
Один тільки брат названий
Оставсь на всім світі,
Та й той – почув, що так страшно
Пекельнії діти
Його брата замучили,
Залізник заплакав
Вперше зроду; сльози не втер,
Умер неборака.
Нудьга його задавила
На чужому полі,
В чужу землю положила:
Така його доля!
Сумно-сумно гайдамаки
Залізную силу
Поховали; насипали
Високу могилу;
Заплакали, розійшлися,
Відкіля взялися.
Один тільки мій Ярема
На кий похилився,
Стояв довго. «Спочинь, батьку,
На чужому полі,
Бо на своїм нема місця,
Нема місця волі...
Спи, козаче, душа щира!
Хто-небудь згадає».
Пішов степом сіромаха,
Сльози утирає.
Довго, довго оглядався,
Та й не видно стало.
Одна чорна серед степу
Могила осталась.
Посіяли гайдамаки

В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити?
Нема правди, не виросла;

Кривда повиває.
Розійшлися гайдамаки,
Куди який знає:
Хто додому, хто в діброву,
З ножем у халяві,
Жидів кінчать. Така й досі
Осталася слава.
А тим часом стародавню
Січ розруйнували:
Хто на Кубань, хто за Дунай,
Тільки і остались,
Що пороги серед степу.
Ревуть завивають:
«Поховали дітей наших
І нас розривають».
Ревуть собі й ревітимуть —
Їх люде минули;
А Україна навіки,
Навіки заснула.
З того часу в Україні
Жито зеленіє;
Не чуть плачу, ні гармати,
Тільки вітер віє,
Нагинає верби в гаї,
А тирсу на полі.
Все замовкло. Нехай мовчить:
Така божя воля.
Тільки часом увечері
Понад Дніпром, гаєм
Ідуть старі гайдамаки,
Ідучи співають:
«А в нашого Галайди хата на помості.
Грай, море! добре, море!
Добре буде, Галайда!»

[Квітень-листопад 1841]

НАЙМИШКА

Между городом Кременчугом и городом Ромнами лежит большая транспортная, или чумацкая, дорога, называемая Ромодановым шляхом. Откуда она взяла такое название, это покрыто туманом неизвестности. Чумаки же рассказывают вот какую былицу.

Жил в городе Крюкове (что за Днепром, против Кременчуга), так в этом городе Крюкове жил богатый, неисчислимо богатый чумац Роман. Каждое божие лето отправлял он две валки, по крайней мере, возов в двадцать каждая, одну на Дон за рыбой, а другую в Крым за солью. К первой пречистий чумаки, его наймиты, возвращались в город Крюков. Часть добра сваливалась в его коморах, а с другою половиною добра он уже сам отправлялся в город Ромен с своею валкою. А шел он вот какою дорогою: сначала на Хорол, так что ему Золотоноша оставалась вправо, а Веселый Подол влево, потом из Хорол на Миргород, из Миргорода на Лохвицу, а из Лохвицы уже в Ромен. Так посудите сами, какой он круг всегда давал. И для почтаря это чего-нибудь да стоит, а про чумака и говорить нечего. Вот он однажды, продавши нароздрий и частку гуртом свое добро в городе Ромнах, думал было возвращаться домой, да приостановился ненадолго около корчмы, около той самой корчмы, что и теперь стоит уже за городом Ромнами, под вербами, на Лохвицкой и Зиньковской дороге и на Ромодановом шляху.

А тут уже, под вербами около корчмы, стояло десятков – другой чумацких возов распряженных, а кой-где под возами сидят себе люди добрые да горилку кружат. Вот он остановился со своею худобою, снял шапку, помолился богу и, обратившись к чумакам, сказал:

– Благословите, панове молодци, воли попасать!

Чумаки ему отвечали так:

Боже благословы, вельке поле! – и принялись за свое дело.

А он, оставя воли в ярмах, пошел в корчму, говоря:

Я только четвертку выпью.

Заходит в корчму, а там шинкарочка точно на картине намалевана, будто шляхтянка какая. Чумац Роман был уже хотя и немолодой чумац, одначе в нем сердце заиграло, глядя на такую кралю. Краля это смекнула да, усмехнувшись, и спрашивает его:

А чего вам хорошего надобится, господа чумаче?

Она таки умела и по-московски слово закинуть.

А вот чего мне надо, моя добродейко: кварту горилки, да дви кварты меду, да сама сядь коло мене.

Добре, – сказала шинкарка и, наливши ему кварту водки, пошла в лех с поставцем и принесла меду.

Сидит чумац Роман в конце стола, закутивши свою чумацкую люльку, а около его сидит молодая шинкарочка да смотрит на его седые усы своими голубиными глазками. Пьет чумац Роман, кружает он серебряною чарою горилку горькую, а шинкарочка молодая золотым кубком мед сладкий. Долго они вдвоем себе сидели, пили, разные песни пели. На дворе уже стемнело, а они сидят себе, пьют и поют. Уже и темная ночь на дворе, уже бы чумаку и в дорогу пора, а он все-таки сидит и пьет, а шинкарочка знай наливает, а воли бедные в ярмах стоят. Вот уже и Чепига и Волосожар за гору спрятались, и зорница взошла. Чумац Роман как бы опомнился, взял шапку, люльку и вышел из корчмы, лег в воз, накрылся свитою и едва проговорил: «Соб, мои половые!» Воли двинулись, взяли соб и пошли чистым полем, а не Лохвицкою дорогою. Неизвестно, долго ли они так шли и долго ли чумац Роман спал, только он проснулся уже в городе Кременчуге. По его следу поехали другие чумаки и пробили широкую дорогу, и назвали ее Романовым шляхом. А почему его зовут Ромоданом, этого чумаки не знают.

Таково слово в слово сказание народа о Ромодановской дороге. Не улыбайтесь добродушно, мой благосклонный читатель, я и сам плохо верю этому сказанию, но, по долгу spisателя, должен был упомянуть о сем досужем вымысле народа.

Ближе к истине полагать можно вот что о происхождении Ромодановского шляху. Не был ли его пролагателем князь Григорий Ромодановский, который в 1686 году водил московскую рать под Брусную гору, чигиринскую резиденцию неукротимого гетмана Петра Дорошенка? Я думаю, это будет правдоподобнее.

Но кто бы ни проложил эту дорогу, нам, правду сказать, до этого дела нету. А заговорили мы о ней потому, что описываемое мною происшествие совершается по сторонам ее.

Но чтобы вы полное имели понятие о Ромодановской дороге, то я прибавлю вот что.

Примечательна эта дорога тем, что, начиная от Ромна и до Кременчуга, не касается она на расстоянии 300 верст ни одного города, ни местечка, ни села, ни даже хутора. Лежит себе чистым, ровным, злачным полем. Только кой-где стоят корчмы с огромными стодами и глубокими колодезями, построенными, собственно, для русских извозчиков, – наши чумаки никогда не останавливаются в корчмах. А по сторонам ее часто встречаются земляные укрепления разной величины и формы, поросшие перием. Нередко виднеются и курганы, совершенно круглые, сажен 50 в диаметре. Есть и больше, и меньше, всегда с выходами: двумя, тремя и четырьмя, смотря по величине кургана. Их простой народ называет просто могилами. Есть и такие насыпи (и это самые большие), которых и форму определить нельзя. Это валы разной величины и в разных направлениях. Думать надо, что форма этих шанцев впоследствии испорчена корыстолюбивым и любопытным потомством. Не помню, кто именно пробовал добывать селитру из Орельских земляных укреплений, или так называемой линии, построенной Петром Первым между Днепром и Доном, на берегу реки Орели. Но результаты оказались совсем неудовлетворительны. То может быть, что и описываемые мною курганы были пробованы каким-нибудь любителем селитры – Ходаковским в некотором роде. Не знаю, пускай про то ведают антиквари.

Нужно еще прибавить, что все эти так называемые могилы имеют свои названия, как-то: Няньки, Мордачевы, Королевы и т. д. Последние, быть может, окопы Карла XII, потому что он в этих местах когда-то шлялся с своими синекафтанными шведами.

Я одна́че, во зло употребляю терпение моих благосклонных слушателей: разносился со своим Ромоданом, как дурень с писаною торбой, наговорил, что твоя перекупка с бубликами, а о самом-то деле не сказал еще ни слова.

Недалеко от Ромодановского шляху, по правую сторону (едучи из Ромена), лежит широкая прекрасная долина, окруженная невысокими холмами, уставленными, как будто сторожами, столетними дубами, липами и ясенами; вдоль широкой долины извилисто вьется белой блестящей полосой Сула.

По берегам ее стоят, распусая свои зеленые косы, старые вербы и бересты. Вдоль берега Сулы растянулось большое село, закрытое темными зелеными садами. Только кой-где из густой зелени прорезывается белое пятнышко – это белая хата с соломенной крышею. Таков вид всех почти сел в Малороссии, с большим или меньшим количеством ветряных мельниц. И как приветливо они машут своими крылами утомленному путнику, предлагая гостеприимный отдых в своих зеленых благоухающих садах.

Солнце близилось к горизонту и золотило своим желто-багровым светом и без того золотые, уставленные копнами поля благодатного села. Широкая долина покрылась прозрачным светло-фиолетовым туманом и спрятала прекрасную линию своего горизонта в тумане. Сула зарделась матовым румянцем, как загоревшая на солнце молодая жница при встрече с милым косарем своим. По желтому пурпуровому мату извилистой Сулы кой-где тянутся за рыбацким челноком светлые блестящие струйки. Тянутся и пропадают в темно-зеленом очере. Вербы и вязы еще ниже склонились к воде, как бы оплакивая умирающий день.

В такую-то вечернюю пору возвращались в село с поля молодые прекрасные жницы. И как в этот день жнива были окончены, то они каждая для себя и для освящения в церкви сплела венок из колосьев пшеницы, жита и васильков и, увенчавшись венком, возвращались с песнями ввечеру в село, выбрав сначала из среды себя царицу, чтоб было кому песни припевать.

Впереди всех их, тихо выступая, шла прекрасная царица святая; стыдливо, как бы от тяжести венка, опустила на грудь свою прекрасную смуглую голову, укрытую золотистым венком и распущенною черною косою; в руках у нее был серп и небольшой сноп жита, перевитый зеленою березкою. Настоящая Церера. За нею шли девушки и пели в честь ее свои заунывные песни; за девушками шли молодые косари с косами – они косили отаву на Суле – и скромно вторили им.

И вся эта картина была освещена заходящим раскаленным солнцем.

Прекрасная, умилительная картина!

А подойдите вы к этой картине поближе, всмотритесь в нее повнимательнее – и вы увидите на ее светлом розовом фоне такие пятна, что невольно отворотитесь и на унылые мелодические песни этих прекрасных жниц вы горько улыбнетесь и закроете уши.

Живуча и деятельна натура человека;

С утра до вечера на солнце, без малейшей тени, с утра до вечера, согнувшись, жнет бедная жница. И что же? Настал вечер – идет домой, поет, а дома не успела повечерять, опять на улице или в саду, и опять поет и поет, не умолкая, до рассвета. С рассветом опять за серп и на ниву, и снова целый день на солнце, согнувшись целый день, как ни в чем не бывало.

О агрономы-филантропы! Выдумайте вы вместо серпа какую-нибудь другую машину. Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжелый труд человечеству.

Группа косарей и жниц с своею прекрасною царицей, отраженные в светлых струях Сулы, медленно приближались к селу. Навстречу им выбежали дети и вышли с грудными младенцами матери, встречая и поздравляя взрослых детей своих с благополучным окончанием озимных жнив.

Мать же своей прекрасной царицы со слезами благодарила девушек за оказанную честь ее дочери и просила всех до своей хаты на вечерю.

Девушки, войдя в село, значительно переглянулись между собою, а молодые косари нахмурили свои черные брови. Что бы это значило?

А вот что! И те и другие заметили около некоторых ворот вихи.

«Какое же им дело до них?» – вы скажете. О, им великое дело до этих зловещих маяков!

Когда вы въезжаете в малороссийское село и видите у ворот на высоком шесте несколько соломенных кисточек, это значит, что в селе не пехота, а кавалерия квартирует. Виха означает конюшню, а число соломенных кисточек – число лошадей на конюшне. В описываемое мною село пришли еще только квартирьеры, назначили квартиры и расставили вихи для конюшен.

Вздрогнуло сердце не одного чернобрового косаря при виде этих зловещих вих.

Не один из них припомнил страшные, трагические рассказы про бесталанных покрыток.

А жницы! О мои родные жницы! Никакие кровавые драмы вас не научат! Новина – ваш проклятый идол новина, перед которым вы кладете все, часто честь, а за нею и жизнь свою бесталанную!

С поклоном и честью встретил жниц седоусый Влас, отец прекрасной Лукии, и просил их милостиво зайти к нему в оселю и повечерять, что бог дал.

Жницы с песнями вошли на двор, а на дворе уже, на зеленом шпорыше, была разостлана большая белая скатерть. Девушки, по приглашению хозяина и хозяйки, сели вокруг скатерти. А царица святая, снявши золотой тяжелый венок свой, и завернув круг головы кое-как свою роскошную косу, и засучив широкие рукава своей рубахи, приняла от матери графин с водкою и начала потчевать своих подруг.

В продолжение ужина отец и мать Лукии сидели на призбе и любовались своей единственной прекрасной дочерью. Через край полного счастья жизнью их сердце билось, глядя на свою Лукию.

А она, как приветливая хозяйка и услужливая работница, угощала подруг своих со всею прелестью наивной простоты.

После вечера девушки, помолясь богу и поблагодарив хозяина и хозяйку, и свою молодую подругу за вечерю, и взявши венки, чинно вышли на улицу.

А на улице под частоколом и под вербами дожидали их чернобровые косари.

– Иды и ты, моя доненько, на улыцю, поспивай с дивча– тамы.

– Не хочеться мени, моя мамо!

– Чому ж тобі не хочеться, мое серденько! Може, ты утомилася, то ляж, засны.

– Я ляжу спать, мамо.

– Пострывай же, я тобі постелю постелю.

И мать послала постель своей утомленной дочери и, перекрестя, уложила ее спать.

Лукия, утомленная дневным трудом и вечерним счастьем, немного повертевшись на постели, заснула.

А усталые подруги ее всю ночь простояли с своими чернобровыми косарями под вербами и под калинами, припевая:

Выйди, Грыцю, на улыцю
И ты, Коваленку,
Постоимо пид вербою
Вкупочци тыхенько.

Если бы на завтрашний день не вступили уланы в село, то вся бы эта история могла и кончиться одной идиллией, а уланы, только что вступили, сейчас завязали драму. Вследствие чего и прошу моих слушателей пропустить мимо ушей по крайней мере год и обратить снисходительное внимание на картину следующего содержания.

Верстах в пяти, а может быть и больше, по левую сторону Ромодановского шляху (из Ромен же едучи), как раз против описанного мною села, лежит пологая широкая равнина, так широкая и длинная, что горизонт ее в тумане теряется, а в летние жаркие и тихие дни то бывают и миражи, как будто бы в необитаемых бесплодных и безводных степях киргизских. Вся эта долина испещрена разноцветными нивами и уставлена темными могилами, формой и величиною похожими на те могилы, что между Киевом и Васильковым, на Бело– княжем поле. Я это говорю потому, что из Киева в Одессу более проехало людей, интересующихся отечественными древностями, нежели из Ромна в Кременчуг. Ромодановским шляхом, как известно, ходят только одни чумаки, а чумак простой человек, какое ему дело до каких бы то ни было могил? Он может только задать себе вопрос: «Чиим-то трупом вас начинено?» Или, задумчиво глядя на темные могилы, запоем однозвучно, монотонно.

Так вот на этой-то равнине, между угрюмыми могилами и пестрыми нивами, зеленеет небольшой гай (роща), как бы оазис в пустыне аравийской (красно сказано!). Это хутор богатого козака Якима Гирла.

Подойдем же мы ближе к хутору и посмотрим на красоту его безыскусственную и на жизнь его хозяина. Для нас это путешествие тем более необходимо, что на этом уединенном хуторе будет продолжаться предлагаемая драма.

Весь хутор с фруктовым садом и гаем занимает не более пяти квадратных верст и окопан глубоким и широким рвом. А ров усажен вокруг всего хутора крыжовником. Ворота не дощатые, как это бывает у постоялых русских дворов, а обыкновенные, простые; по сторонам их дубовые массивные столбы и по несколько частоколин. Да у глухого конца ворот старая широ-

коветвистая верба, как бы заслоняющая от недоброго глаза благодатный хутор. Войдя на двор хутора, вы увидите с правой стороны большую клуню, обставленную полускирдами разного хлеба, по левую сторону ворот – загороды с сараями для разной скотины, а за клунею невдалеке, под старыми берестами, две дубовые коморы и возивня. Напротив комор лех с железными дверями, а в самом конце двора, под липами, белеет хата, снопками крытая на польский лад. За хатою идет уже сад с разными породами яблунь, груш, слив, вишень, черешень и даже три старых дерева грецких орехов, вывезенных из Крыму еще дедом Якимом Гирлом. Посередине саду колодезь с колесом и навесом. А за садом в гаи, на небольшой поляне, пасика с куренем и погребом для пчел. А там уже дубы, липы, березы и всякое дерево до самого рва.

А за рвом уже был небольшой ставочек и около него огород, окруженный небольшим рвом и усаженный кукурузою и подсолнечниками, а баштан был немного подальше, в поле.

Так какой-то благодатный хутор у старого козака Якимом Гирлом.

А каким добром наполнены его дубовые коморы и лех, и рассказать нельзя.

А чумаки его – где они на свете не ходят! И в Крыму, и на Дону, и в Одессе, а про Киев и говорить нечего.

Раз было взялся он поставить песок сахарный в самую Москву; только Москва шутить не любит с нашим братом хохлом. Так что он едва с парой волами домой пришел. И с тех пор, если ему ненароком кто скажет слово про Москву, то просто из хаты выгонит, а если в гостях услышит такое слово, то наденет шапку и, не прощаясь с хозяином, уедет на свой хутор. Яким Гирлом, как видно, был человек не так себе. Не всякому давал себе ступить на пятки.

Это было в августе месяце, в воскресенье, так около полудня. Яким Гирлом вышел из хаты и сел на призбе. Он был человек уже не молодой, но свежий и здоровый, усы и чуб были не то что седые, а серые. Рубаха на нем чистая, белая, шаровары тоже белые; он не любил разных московских китаяк, а носил все белое; сапоги на нем добрые, юхтовые. Взглянув на него раз, то можно было сказать, что это человек достаточный: в лице что-то есть такое.

Вскоре за ним вышла и жена его Марта, женщина лет сорока, а может и больше, чисто и хорошо одетая: в желтых юхтовых сапогах, в плахте и шелковой красной юпке, – хоть бы и на старухе, так было бы к лицу.

Вынесла Марта сначала скамейку, покрытую к и л ы м к о м, и поставила ее перед мужем, а потом уже вынесла миску с варениками и тарелку со сметаной. И все это поставила на временном столе перед мужем и сама села около него.

– Нумо полудновать, Якиме, – сказала она мужу.

Яким, перекрестясь, сказал:

– А полудновать, так и полудновать. Господи, благослови!

И с этим словом расправил свои серые усы и взял вареник.

После вареников Марта вынесла миску слив и желтую душистую дыню; покушали и слив, и дыни немного. После полдника Марта убрала все и села опять на призбе около своего мужа. Долго они сидели молча. Наконец Марта заговорила:

– Что-то долго не видать чумаков наших с рыбою.

– Да, что-то долго не видать. – И Яким замолчал. Ему как бы не хотелось продолжать разговора. Впрочем, он вообще был неговорлив.

Немного погодя Марта опять заговорила:

– Я все думаю, Якиме: кому-то мы после себя добро свое оставим? Не даровал нам с тобою господь ни дочери, ни сына. Так и померемо одиноки!

– Так что ж, что померемо? Люди добрые похоронят, а добро поживут!

– Конечно поживут, никуда оно не денется, а все-таки лучше, если б было свое родное дитя.

– Так где же его взять, коли господь прогневался на нас за грехи наши?

– Да, прогневили мы милосердного господя, не утешил он ледачую старость нашу! Так и гробовой доской покроемся, и некому будет от души заплакать, и некому будет помянуть наши души грешные! Знаешь что, Якиме? Поеду я завтра в Бурта да отвезу отцу Нилу на сорокоуст и за твою, и за свою душу. Пускай отслужит, когда помрем.

– Ты заговоришь всегда такое, что просто не слушал бы тебя. Ну, скажи-таки, умная ты голово, кто живой человек по своей душе сорокоусты правит?

– Нету, Якиме! Не по живой душе, а по усопшей. А это я думаю сделать для того, чтобы после не остаться без поминовения.

– Бог милостивый, не останемся. А я вот что думаю: что-то наша челядь из села долго не возвращается.

– Цыть, цыть, Якиме! Чуешь?.. О, ще раз!

– Что там ще раз?..

– Чуешь?.. Дытына плаче...

– Так и есть, за воротами...

– Пойдем посмотрим, Якиме.

– Ходимо.

И не по летам бодро встали с призбы и пошли к воротам. Кто же расскажет радость старой Марты и Якима, когда они увидели под перелазом дитя, окутанное старой серой свиткой, и головка прикрытая зеленым широким лопухом.

– Якиме! – только могла проговорить старая Марта, всплеснув руками.

А старый Яким, снявши б р ы л ь, молился богу.

– Якиме! – сказала Марта, взявши ребенка на руки. – Посмотри, какое здоровое да хорошее!

Яким взял ребенка на руки и сказал:

– Пойдем в хату, – оно, бедное, голодное.

И они пошли в хату с своею дорогою ношею.

Пришедши в хату, Яким положил младенца бережно на стол, достал с полки псалтырь (он был грамотный) и, перекрестясь трижды, прочитал псалом «Живый в помощи вышня–го». Потом взял младенца в руки и, передавая его Марте, сказал:

– Паче ока береги его!

Марта, перекрестясь, приняла его и положила на подушку.

– Посмотри за ним, Якиме, пока я молока принесу.

Принесши молока, Марта принялась кормить младенца. А Яким вышел на двор, нашел в сарае н о ч ы и стал прилаживать к ним веревки. Через полчаса принес он в хату, к немалому удивлению Марты, готовую колыску. Остаток дня прошел для них незаметно. К вечеру, когда ребенок заснул в своей скороспелке-колыске, Марта, позабыв, ч-го было воскресенье, достала тонкого полотна из б о д н и, принялась кроить маленькие рубашки.

Возвратившаяся из села челядь рассказывала, что они видели на могиле какую-то молодцу. «Сначала она пела какую– то песню, а потом заплакала, а когда мы перекрестились, то она исчезла. Должно быть нечистая сила, и в могилу провалилася», – так закончила свой рассказ Мартоха, девка не робкого десятка.

На другой день до восхода солнца Яким заложил в бричку пару добрых коней, помостил в бричке сена и покрыл его килы–мом, сел в бричку и поехал в село Бурта за отцом Нилом.

Проезжая мимо могилы, он увидел в утреннем тумане на могиле женщину. Она была лицом обращена к его хутору.

Он посмотрел на нее, остановил кони и громко сказал:

– День добрый, молодыще!

– Спасибо, – отвечала женщина.

– Что ты тут делаешь, молодыще?

- Вчера корову загубыла, так смотрю сегодня, не пасется ли где.
- Ну, добре, оставайся здорова.
- Спасыби.

Яким дернул вожжами, и добрые кони понесли его шляшком через поле.

К обеду Яким возвратился на хутор с отцом Нилом и с отцом дияконом. Отдохнувши немного под хатою и освежившись закрепленным березовым соком, отец Нил вошел в хату, сначала прочитал младенцу молитву и нарек его Марком, потом с отцом дияконом совершил обряд святого крещения. Воспре– емниками были Яким и счастливая Марта.

До самой субботы гостил отец Нил и диякон у Якима на хуторе, да и не они одни, а много людей набралось на Марковы крестины.

Прошел месяц после крестин Марочка (так называла его Марта), и на хуторе Якима Гирла ничего особенного не случилось, разве только, что вскоре после крестин чумаки пришли из Дону; но это происшествие весьма обыкновенное, хотя, правду сказать, наблюдательный ум и в этом обыкновенном случае наберет много пищи, как на ничтожном цветке трудолюбивая пчела. Особенно в первые дни послушать досужего чумака, как он примется рассказывать за чаркою горилки, какие он бесконечные степи проходил, из каких бездонных крыныщ воли поил, по сколько суток сам без воды и хлеба пропадал, какие города видел, какие на какой реке переправы имел, какие где народы видел, – просто волосы дыбом станут, когда слушаешь.

Но у Якима Гирла не было такого досужего чумака, следовательно, не было и повествования о мудреных чумацких приключениях.

Сентябрь месяц проходил и, проходя через хутор, красил своим дуновением зеленый гай разными золотыми и красными красками. Так издали ежели посмотреть на гай, то кажется, как будто он покрыт дорогим разноцветным ковром, особенно при закате или при восходе солнца.

На могиле близ хутора каждое утро и вечер челядь видела таинственную молодыцю, и начали поговаривать, что это что– нибудь не просто. А оно было очень просто: бедная эта молодлица была не кто иной, как простая покрывка и мать маленького Марочка. Она, сердечная, не могла оторваться от того места, где выросло ее бедное, ее прекрасное дитя. Сколько раз она приходила по ночам к самому хутору, обходила кругом его, проводила ночи бессонные в рову, или по воскресеньям, когда челядь уходила в село, она невидимкою подкрадывалась к самым воротам, чтобы услышать хотя бы один звук своего милого дитяти. Сколько раз она покушалась взойти на двор и выпросить назад или, наконец, украсть свое дитя, потому что ей без него не можно было жить на свете, без него хлеб не елся, вода не пиалась, солнце божие не светило и не грело.

После измены своего улана-обольстителя вся любовь ее, все нежнейшие чувства униженной матери были сосредоточены на нем одном, на своем сироте-дитяти.

А оно, бедное, в чужих людях, на чужих руках засыпает, чужую грудь питается, без любви, без сердечного материнского поцелуя.

Любовь матери превозмогла и страх, и стыд. Она решилася во что бы то ни стало войти на хутор, решилася и дожидала только воскресенья, когда людей меньше будет на хуторе.

В воскресенье, пообедавши и, разумеется, отдохнувши, Яким Гирло сидел за столом в своей светлице и читал из псалтыря «Не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие». А Марта, убаюкавши Марочка в новой колыске, стояла над ним долго задумавшись и, вздохнувши, сказала:

- А что я думаю, Якиме?
- А бог те, бя знает, что ты там думаешь?
- Я думаю, прости меня господи, что если наш Марочко, боже нас сохрани, умрет, что мы тогда делать будем?
- Я так и думал! Ну, ни грех ли тебе такое все скверное в голову забирать!

– Нету, Якиме, когда я на него смотрю сонного, то мне всегда такое в голову лезет.
– Молися богу, Марто, бог милосердный не попустит такого великого несчастья.
– Еще я думаю, Якиме, коли, даст бог, доживем до покро– вы, то поедem в церковь, запричастим нашего Марочка, ему тогда будет как раз шесть недель.
– Поедем, это дело христианское.
– А там я думаю заодно уже расспросить, не найдется ли хорошая наймичка, потому что теперь, сам видишь, нам одной наймички мало.
– Что ж! Что нужно, я от того не прочь.
– Да если б бог дал, чтобы и хозяйство таки знала, тогда я бы себе нянчилась с Марочком, а она бы по хозяйству поралась.

Марта, вздохнувши, замолчала. А Яким, перекрестясь, начал снова «Не ревнуй лукавнующим».

Через несколько минут дверь осторожно отворилась, и в хату вошла бедно, но опрятно одетая молодая женщина. Она робко встала на пороге и, поклонясь, едва проговорила:

– Боже помогай!
– Спасибо, небого! – сказал Яким. – Садитесь просымо!
Она молча села на лаву у порога и молча пристально глядела на колыску и на Марту.
Много было нужно ей душевной силы перенести эту минуту и не показать виду, что она самое близкое существо спящему Марочку.
– Что же ты нам скажешь хорошее, небого? – спросил ее Яким.
– Я зашла у вас спросить, не нужно ли вам будет наймички?
– Нужно, голубочко, и страх нужно. У нас теперь, дал бог, малая дытына, так я все с нею нянчуся, а хозяйство совсем заброшено.

– Так я бы у вас найнялася.
– Наймысь, наймысь, голубочко, у нас тебе худа не будет.
– А издалека ли ты, небого?
– Из-под Ромен, дядюшка.
– Добре, а что же ты возьмешь платы за год?
– А что вы платите другим, то и мне дайте.
– Добре! Мы платымо Мартоси пятнадцать на ассигнации, новую белую свиту и шкапови чоботы.

– Добре, и я так наймуся.
– Добре! Дай вже нам, Марто, чого-нибудь пополудновать.
Марта, уходя, сказала Якиму:
– Посмотри на Марочка. Ежели оно проснется, то поколыши его.
Яким передвинулся на другой конец стола, поближе к колыбели.
Марта прибавила из-за дверей:
– Та не бери его на свои железные руки. Я сама сейчас вернуса.
– Разносила со своими панскими руками, – проворчал Яким и ласково прибавил: – Садись, небого, на ослон, поближе к столу.

– Спасибо вам. – И наймичка подошла к столу и посмотрела на колыбель, переменилась в лице, и две крупные слезы скатились с ее исхудалых щек.

Яким заметил это и спросил:

– Что, небого, може, и у тебе дытына е?
– Было, да господь себе взял.
– Так, так. Значить, ты, небого, вдова?
– Ни, московка... – проговорила сквозь слезы наймичка.
– Так, так... А как тебе зовуть, небого?
– Лукия...

В это время проснулся ребенок и заплакал. Старый Яким принялся колыхать, припевая:

Э... э, люли,
Чужим дитям дули,
А нашому калачи,
Шоб спало вдень и вночи.

Бедная Лукия! Потому что это была она – та самая счастливая прекрасная царица непорочного сельского праздника. Бедная! чем отдалися в твоём сердце звуки твоего милого единственного дитяти? Бедная! ты сама чуть не зарыдала и не запела вместе с Якимом. Но ты силою любви твоей удержала порыв восторга и только тихими слезами утишила его.

Марта возвратилась с полдником, поставила его кое-как на столе и бросилась к колыбели.

– Цыть, цыть, мое серденько! Ну тебя с своим волчьим голосом, только моего Марочка перепугал. Цыть, моя пташечко! Я тебе м о з ю ч о к дам! – И она сунула ребенку рожок с теплым молоком и обратилась к Якиме: – Чему же ты не просишь полудновать? А коли хочешь яблоч или дуль, то сам сходи в лех. Та заодно наточи и грушевого квасу. А я от дытыны не отойду, поки воно не засне, сердешнее! Ишь, как напугал, и до сих пор еще слезки у бедного на щечках. Годуйся, годуйся, мое серденько!

Яким, помолясь богу, сел за стол, пригласил и Лукию с собою садиться. После нескольких вареников он заговорил как бы сам с собою:

– Видишь, какая на свете правда. Отдать бедного одинокого человека в москали, а жену, сироту убогую, пустить по миру. Нехорошо меж людьми делается! Добро, что она еще богобоязненная, ищет себе кусок хлеба трудами честными. А другая бы на ее месте и при ее красоте и молодости пропала! С душою и телом пропала навеки.

– Разве Лукия московка? – спросила Марта, вслушавшись в слова Якима.

– Москковка, – ответил Яким, не подымая головы.

– Бесталанная! А может, муж твой, Лукие, пьяныця, ледащо було?

– Ледащо! – ответила Лукия.

Яким поднял голову, посмотрел на Лукию и сказал:

– Так туда ж ему и дорога.

– И я так думаю, Лукие! – сказала Марта. – Боже, сохрани и заступи, пресвятая дево, нашу бедную сестру от лихого да ледачого мужа. Мы вот с Якимом, благодаря богу, часточку прожили-таки на свете; правда... ну, да смолоду чего иногда не случается...

– Ну, завела теперь свои гусли... – сказал Яким полушутя, полусурово. – Да вашу сестру если б не попомать хорошенько, то и добра не видать.

– Ну, да вы хороши. Негде правды спрятать... Отак всегда заговорюся с ним и не вижу, что мой Марочко давно заснул. – Она бережно закрыла его чистою простынкой и присела, перекрестясь, к столу около Лукии, сказавши: – Годуйся, Лукие! Ты не смотри на него! Он у меня всегда что-нибудь ворчит. Такой уж зародился никчемный.

И она взглянула, ласково усмехаясь, на мужа. Яким и виду не показал, что заметил ее улыбку, только погладил усы рукою.

Полдник кончился, все встали из-за стола, помолились богу, и Марта, собирая со стола посуду, сказала Лукии:

– Ты бы, Лукие, пошла в другую хату та отдохнула с дороги. Теперь там никого нету, все ушли в село на музики.

– Спасыби вам. Я не очень устала. – А ей, бедной, весьма нужен был покой или по крайней мере уединение.

– Ну, где же таки не устала! Ведь, шутка сказать, – от Липового до нас будет, я думаю, верст сорок. Как ты думаешь, Якиме?

– Сорок будет, – ответил Яким.

– Яв Ромне переночувала.

– Ну, та хоть и переночувала, а спочить тебе все-таки не пошкодыть, – сказала Марта, как бы инстинктом угадывая душевную усталость Лукии.

– То я пойду и одпочину немного, – сказала Лукия, отступая к порогу.

– Постой же, я тобі покажу хату, – сказала Марта и вышла в темные сени. Потом отворила противоположную дверь светлицы и ввела Лукию в просторную чистую хату.

– Ляж отут на полу или на лави та отдохни немного, Лукие.

– Спасыби вам, – сказала Лукия.

А Марта вышла из хаты, притворивши за собою двери.

Лукия, оставшись одна, кругом оглянулася, как бы уверяясь, что она одна в хате. Упала на лаву, закрыв лицо руками, тихо и горько зарыдала. Она плакала не от горя и неведения, ее прежде пожирившего, но от полноты душевной радости. Она уверилась, что дитя ее здорово и что люди, принявшие его, люди добрые!

– Господи! – она проговорила. – Благодарю тебя, святая мать божия! Благодарю тебя, святая заступнице! Благодарю тебя, моя единая утешительнице! – И она снова залилась слезами. Приходя в себя, она ходила по хате, тихо плакала, ломая свои исхудалые загорелые руки.

– А как ты думаешь, Марто? – сказал Яким своей жене, оставшись одни в светлице. – Я думаю, что наша новобранка честного, хорошего роду дочка.

– И я думаю, Якиме, – сказала Марта, вытирая миску, – что она честного роду. Худого человека сразу угадаешь. Та видишь, она такая сумная. А може, это так, с дороги.

– Ни, не с дороги, я думаю, а она бесталанная и сама знает свое бесталанье. Когда ты выходила за полуднем, то она взглянула на Марочка и заплакала. Я спрашиваю: «Чего ты плачешь?» А она мне и говорит: «И у меня было дитя, та бог прибрал». Так вот оно что.

– Бедная! Ей только и радости, что дитя оставалось на свете, и того бог лишил. А не говорила, хлопчик чи дивчина?

– Хлопчик, – сказал Яким и задумался.

Марта, поставивши миску в м и с н ы к, села на лаве и тоже пригорюнилась. Через минуты две молчания, вздохнувши, Марта спросила у Якима:

– А как ты думаешь, Якиме, отдавать ли нам Марочка в школу или нет?

– Розумная голово! Подумала ли ты, что говоришь? Теля еще бог знает где, а ты уже и добню готовиш ь, – сказал Яким почти сердито.

– Ну, вот уж и рассердился – я так только сказала.

– То-то вы все так говорите, цокотухи, а того не подумаешь, что еще бог пошлет завтра. Школа, школа – вещь, коли ты хочешь знать, не малая. Вот, например, у Таранухи учили, учили сына, а вышло что? Пьяныця и любостыжатель.

– Ну, ты уже когда рассердишься, то с тобою и рады нету! – сказала Марта, вставая со скамьи. – У тебя и спросить ничего нельзя. Ну, коли не хочешь отдавать в школу, то сам учи.

– Я-то буду учить его письма, сколько сам, грешный, разумею. А вот чтобы ты его сначала научила!

– А я его чему научу? Нехай соби здоров росте та счастливый буде. Мое дело женское, чему я его научу?

– Чему? Тому, чего ты и сама не знаешь: всему доброму! Вот что! Ты теперь у него мать, так учи его, когда он, даст бог, заговорит, молиться богу. А я, посмотревши, как он будет молиться, и письма святого выучу. И псалтырь ему свою святую, умираючи, передам.

– Насилу договорил до краю! Цыть! Цыть! Мое серденько!

В это время проснулся Марко. Марта подбежала к колыске и, убаюкивая Марка, бессознательно запела:

Ой жила вдова
Та ва край села.
Вигодувала сына,
Сына Івана,
Вигодувавши, до школы дала,
А з школы взявши,
Коня купила.

И, взявши на руки малютку, ходила, приговаривая:

– Вот если бы лето, то в садок бы пошли, зашли бы в пасику. А там сидит старый дид. У! какой страшный! Вон он! Вон он! Посмотри, какой страшный! – И она показала на Якима, сидящего за столом. Яким молча улыбнулся.

Знаешь ли ты, видишь ли ты, бесталанница, свое родное счастливое дитя?

Видит и знает. Она, не прислушиваясь, слышала каждый звук, произнесенный старою Мартою и старым Якимом. Она в глубине души своей прозревала будущее своего дитяти. И от полноты сердечной радости благодарила всемилосердного бога за ниспосланное ей счастье!

Следующий и последующие дни текли на хуторе обыкновенным чередом. Новая найми́чка вскоре освоилась со всею челядью и всем полюбила. Она ко всем равно была внимательна и ласкова равно со всеми. Хозяйка и хозяин были ею особенно довольны, особенно за любовь ее к маленькому Марку. И действительно, он ни засыпал, ни просыпался без нее. Она всегда находила предлог присутствовать при его колыбели. Приносила ему пеленки теплые, чистые такие, что хоть бы и панычу какому, так не в стыд. Она как бы чуяла его пробуждение, и к этому времени всегда у ней было готово подогретое свежее молоко. Старая Марта не могла надивиться усердию и заботливости своей новой найми́чки.

Еще прошел месяц, и Лукия, к немалой обиде старшей найми́чки, овладела всем домом. Сама хозяйка уступала ей все хлопоты и распоряжения по хозяйству, а наконец и ключи от комор и леху отдала ей. Себе только оставила ключ от скрини. И то потому, что, ей казалось, неприлично хозяйке не иметь ключа.

Сам старый Яким, на что уже человек сурьезный и несловоохотливый на похвалу кому бы то ни было, и тот, бывало, наедине с Мартою иной раз не утерпит, скажет:

– Что за благодать нам господь послал в этой Лукии!

– Я и сама, встаючи и ложася, молюся богу за благодать его святую. Ты посмотри только, Якиме. Где она не поворотится, что ни сделает, только смотри та любуйся, а уж до Марочка какая щирая, так я и не надивлюся. Хоть бы и прошедшую ночь. Марочко проснулся, и заплакало, бедное. Я сплю себе как убитая, а она – й бог ее знает, как она услышала из другой хаты. Когда я проснулася, то она ему уже рожок с молоком подавала. Да еще и мне же говорит: «Не турбуйтесь, я и сама его присплю». Спасыби ей, такая добрая та щирая. И вот уже который месяц она у нас, а хоть бы раз тебе в село сходила. Я как-то ей раз в воскресенье говорю: «Да ты бы, Лукие, хоть до церкви в село сходила». – «И дома, – говорит, – можно помолиться богу, лишь бы усердие было». Такая, право, щирая та усердная, дай ей бог здоровье. Я просто паную за ее плечами.

– Да, и такое добро бог посылает какому-нибудь ледачому человеку.

– И не говори, Якиме. Я иногда смотрю на нее та аж заплачу. Чему бы тебе, милосердный боже, не послать ей талану та радости в сей жизни! Хоть бы когда-нибудь тебе усмехнулася или пожартовала, разве только с Марочком. А то всегда такая смутная та невеселая.

Подобные разговоры часто повторялись между хозяевами. Дивились ее постоянной задумчивости, но им, простодушным, и в голову не приходила настоящая причина ее. Они видели достаточную причину быть московкою, чтобы быть бесталанною. О роду и племени ее

они как бы боялись с нею речь заводить, инстинктивно понимая, что у несчастного не должно спрашивать о его прежнем счастье.

Поклон вам, грубые, простые люди! Вы бы своими расспросами заставляли ее врать и, значит, вдвойне страдать, потому что она не рождена была выдумывать небывалые исповеди своего сердца. Она была простое, натуральное, умное и прекрасное дитя природы. Она любила всей чистотою своего сердца уланского офицера за красоту его и ласковы речи. И когда он, ею наигравшись, бросил, как ребенок игрушку, то она, неразумная, только заплакала и долго, и до сих пор не может себе растолковать, как может человек божиться и после соврать. Для ее простой, девственной души это было не— удобовразумимо. А между людьми более или менее цивилизованными это вещь самая простая. Это все равно, что взять и не отдать.

На рождественских святках хозяева поехали в село навестить своих знакомых, в том числе и отца Нила, и отца диякона, и весь причет церковный. Она осталась одна в доме. Челядь тоже отправилась в село на музыки, кроме старого наймита Саввы, который и дневал и ночевал в загороде с волами.

Ее счастье было полное: она была одна, одна с своим счастливым сыном.

Первое, что она сделала, проводивши хозяев и затворивши за ними ворота, — осмотрела внимательно весь двор, вошла в хату и засунула засов двери. Марко в это время спал. Она подошла к его колыбели, открыла простынку и смотрела на него, пока он проснулся.

Потом взяла ребенка на руки и нежно, глубоко нежно поцеловала. Ребенок, как бы чувствуя поцелуй родной матери, обвинил ее сухую шею своими пухлыми ручонками. Потом она одной рукой сняла со скрыни килым и разостлала его на полу, посадила на килым Марка и, отойдя шага на два от него, плакала и улыбалась на свое прекрасное дитя; потом села на ковер и взяла на руки Марка, нежно прижимая к груди своей.

О, как она в этот миг была прекрасна, как счастлива, какая чудная, торжественная радость была разлита во всем существе ее!

Что, если бы мог в это мгновение взглянуть на нее ее обольститель? Он бы пал перед нею на колени и помолился, как перед святою.

Нет, его очерствелой, грязной душе недоступно подобное чувство.

Долго она играла с ним, подымала его выше головы своей, ставила на пол, опять подымала и опять ставила, разговаривала с ним, смеялась, целовала его, плакала и опять смеялась. Словом, она играла с ним, как семилетняя девочка, пела ему песни, сказывала сказки, называла его всеми уменьшительными сердечными именами, и дитя, как бы симпатизируя радости своей счастливой матери, в продолжение дня ни разу не заплакало. И какое оно прекрасное было! Карие большие глазенки блестели, как алмазы, и в них много было сходства с глазами его прекрасной матери. Их оттеняли черные длинные ресницы, что и придавало им какое-то недетское выражение.

Лукия и не заметила, как наступил вечер. Что ей делать? Нужно вечерять варить, а Марко и не думает о колыске, разыгрался так, что его и до ночи не уложишь. Хоть бы скорее кто из села пришел, а то приедут хозяева, что они скажут? Подумают, что она проспала весь день и весь вечер.

Ворота заскрипели, и на двор въехали хозяева. Она отворила им двери, жалуясь на Марка, что не дает ей печи затопить.

— Что же он делает? Все плачет? — спросила Марта.

— Какое плачет! Целый день хоть бы скривился. Все пустое.

— Ах ты, волоцюго, волоцюго! — сказала она, подходя к Марку. — Да ты ему еще и килым постлала.

— Не лежит в колыске — все просится на руки.

— Ах ты, непосидящий. Постой, вот я тебе дам! — И снявши кожух и свиту, она взяла его на руки и сунула ему в ручонки позолоченный медяник, гостинец отца Нила.

Лукия принялася затоплять печь. А через несколько минут вошел и Яким в хату, обивая арапником снежную пыль с сму– шевой новой шапки.

– Добрывечир! – сказал он, войдя в хату.

– Добрывечир! – отвечала Лукия.

– От мы, благодарить бога, и додому вернулись, – сказал он, крестясь. – А что наш хозяин дома поделывает? Плачет, я думаю, для праздника.

– Где там тебе плачет! Целый день покою не дал бедной Лукии. Пустуе, и цилый день пустуе.

– Ах ты, гайдамака! Смотри, как он обеими ручищами медянык загарбав! – И, положивши на стол узел, снимая свиту и кожух, заговорил как бы сам с собою: – Горе мне с этой матушкою Якилыною. На дорогу-таки та й на дорогу. Вот тебе и надорожился. А тут еще и дьяконица, и тытарша с своею слывянкою. Ну, что ты с ними будешь делать? Сбили с пантылыку, окаянные, та й годи! Лукие, покинь ты свою печь к недоброму! Иди-ка сюда.

– А что ж вы будете вечерять, когда я печь покину? – обратился к нему с рогаком в руках и усмехаясь, сказала Лукия.

– Не хочу я вечерять сегодня, та и завтра не хочу вече– рять, и послезавтра. Та и стара моя тоже вечерять не хоче. Правда, Марто?

– Вот видишь, какой разумный! Хорошо, что сам сытый, то думает, что и все сыты, а Лукия, может быть, целый день, бедная, ничего не ела.

– Ну! ну! И пошла уже. С тобою и пожартувать нельзя.

– Хорошие жарты выдумал.

– Та ну вас, варить хоть три вечера разом, а я добре знаю, что не буду вечерять.

– Ото завгорыть! Нам больше останется.

– Пускай вам остается, – сказал Яким, садясь за стол. – А засвети, Лукие, свечку.

Лукия засветила свечу и поставила на стол. Яким, развязывая узел, запел тихонько:

Та вырис я в наймах, в неволи,
Та не було доли николи.
Та гей!..
Ой вырис я в наймах, в дорози,
При чужому вози, в дорози.
Та гей!..
Та чужие возы мажучи,
Та чужие волы пасучи.
Та гей!..

– Лукие! Брось ты там свою печь, – сказал он, разворачивая большой красный платок. – Возьмы соби, дочко моя, бесталан– ныце, возьми та носи на здоровья! А вот и на очипок. А вот на юпку и на спидныцю. Возьмы, возьмы, дочко моя, та носы на здоровья. Ходы ты у нас не так, як сырота, а ходы ты у нас так, як роменская мещанка, как нашего головы дочка. Это поносыш – другого накуплю. Потому что ты у нас не наймычка, а хозяйка. Мы с старою за твоими плечами як у бога за дверьми живемо.

– Возьмы! Возьмы, Лукие! – прибавила Марта. – Возьмы! Это мы для тебя у московских крамарей купили.

– Да на что же вы покупали такое добро? – сказала Лукия. – Зачем было напрасно только деньги тратить!

– Не твои, дочко, гроши – божи, бог дал, бог и возьмет. – И он передал ей гостинцы.

Лукия, принимая подарки, кланялась и сквозь слезы говорила:

– Благодарю! Благодарю вас, мои родные, мои благодетели.

– Вот так лучше! – говорил весело Яким. – Ты нам уже, Лукия, послужи на старости, а мы, даст бог, понемногу с тобой рассчитаемся. Ты видишь, мы все люди старые, бог знает, что завтра будет. А у нас, ты видишь, дытына малая, одинокая. Ну, боже сохрани, моей старой не стане, куда оно денется!

– Перекрестися! Что ты там, как сыч на комори, вищуешь!

– А что ж, все в руце божей.

Марта, укладывая Марку в колыбель, тихо проговорила:

– Не слухай его, Марку, это он от тыtareвой сливянки.

– Что?.. – сказал протяжно Яким. – Как дам я тебе сливянку, так ты меня будешь знать!

– Вот уже нельзя и слова сказать.

– Нельзя.

И в хате воцарилась тишина. Только Марта шепотом напевала колыбельную песенку, изредка поглядывая на сердитого Якима. Вскоре собрались все домочадцы. Вечеря была готова. Уселись все за стол в противоположной хате, кроме Якима, повечеряли и положились спать. Через минуту на хуторе все спало.

Не спал только старый Яким. Он сидел в светлице за столом, склонив свою серую голову на мощные жилистые руки.

Долго он сидел молча, потом запел едва внятно:

Ой волы мои та половин,
Та чому вы не орете?

Окончивши песню, он заговорил сам с собою:

– Пойду! Непременно пойду чумаковать! Да и в самом деле, что я дома высижу с этими бабами! Кроме греха, ничего. То ли дело в дорози? Товарыство. Степ, могилы. Города, а в городах храмы божии. Базары, купечество! Подходит к тебе бородач пузатый. «Почем, – говорит, – чумаче, рыба? или соль?» – «По тому и по тому, господа купець». – «А меньше не можна, братець-чумак?» – «Ни, – говоришь, – господа купець!» – «Ну когда нельзя, так быть по сему». И гребешь соби червончики в гаман.

Эх, чумацтво! чумацтво! Когда-то я тебя забуду? Нет, конечно, иду чумакувать, только дай бог дождать лета, а то я отут с бабами совсем прокисну.

И, вставши из-за стола, он долго еще ходил по хате, потом остановился перед образами, помолился богу, достал псалтырь и прочитал псалом «Господь просвещение мое, кого убоюся». Потом начал сапоги снимать, приговаривая:

– От бесталанье, некому и сапоги снять!

Снявши сапоги, он погасил свечу и лег спать, читая наизусть молитву «Да воскреснет бог».

Однообразно прошла зима на хуторе. Настал великий пост, отговелись, и пост проводили, и велькодня святого дождали. На праздниках, когда хозяева уехали к отцу Нилу в гости, Лукия с своим сыном наедине повторила ту же самую сцену, что и на рождественском празднике, с тою разницею, что она теперь надела в первый раз новую юпку, сподныцу и на голову повязала шелковый платок. Все это подарки, как уже известно, старого Якима.

Да еще после полудня на хутор зашел венгерец с разными кроплями и постучал в окошко, чем немало напугал увлеченную разговором с сыном Лукию. Она вскоре оправилась, отворила засов и впустила венгерца в хату.

Венгерец, как известно, был в шляпе с широкими полями и сферической тульей, в широком синем плаще, с коробкою за плечами, с палкою длинною в руке и с длинными усами.

Лукия пригласила его сесть на лаву, что он исполнил нецеремонно, сначала снявши коробку с плечей. А Лукия тем временем уложила своего Марущечка в колыбель и прикрыла простынею, бояся недоброго глаза. Потом обратилась к венгерцу и спросила:

– Какие же у вас лекарства есть?

– Лекарства? О, у меня всякие, разные есть капли: и на зубы, и на голова, и на рука, и на нога – всякие, всякие капли есть. Только, хорош фрау, деньга будешь не жалеть? – сказал венгерец, довольно нахально улыбаясь.

– Ну, хорошо, а есть ли у тебя такое лекарство, чтобы от всяких болезней ребенку помогало?

– О, как же! От разной болезни есть, разное, всякие капли есть.

И он раскрыл свою коробку, показывая ей пузырек за пузырьком с разноцветною жидкостью.

– Вот эта от зуба, эта – голова, эта – лихорадка, эта – рука, эта – нога, эта – брушка немножко.

– А нет ли у тебя семибратней крови? Она одна ото всех болезней помогает.

– Есть, есть, зараз ищу!

И он вскоре достал из коробочки завернутую в бумажке семибратнюю кровь. Это небольшие кусочки чего-то окаменелого, вроде мелкого ракушника, темно-розового цвета. А почему оно называется семибратней кровью, то этого и сами венгерцы не знают.

– Что же будет стоить этот кусочек?

– Этот два рубля и одна полтина.

– А боже ж мой, что же мне делать? У меня только три копы.

– Только один рубдя и одна полтин. Нельзя, немножко мало. Разве еще, хорошей фрау, румочка шнапс, понимаешь – водка, и немножко кушать.

– Хорошо, и водки дам, и кушать дам, только уступи мне, ради бога, за три копы.

– Хорошо, хорошо, отдаю. – И он подал ей кусочек волшебного медикамента.

Она взяла его с благоговением, завернула в хустку и спрятала за образ. Достала медные деньги из сундучка, расплатилась с венгерцем и посадила его за стол, достала из мисныка восьмиугольную размалеванную пляшку с водкой и поставила перед ним. Поставила пасху, холодное порося и пирожки с сыром и со сметаной. Уставивши все это порядком, положила ему ручник белый, вышитый по концам красной заполочью, на колена и отошла к колыбели.

Венгерец, хотя просил немножко шнапсу, однако выпил две рюмки залпом, а третью – после первого куса поросенка. Окончивши все, что было на стол поставлено, он вежливо раскланялся с Лукией, потом попросил огня, закурил свою фарфоровую трубку с кривым чубуком и начал собираться в дорогу. Взваливши коробку на спину, плащ на плечи, палку в руки, шляпу на голову, он еще раз раскланялся с Лукией и вышел из хаты.

Лукия, проводивши венгра за ворота, возвратилась в хату, подошла к колыбели, открыла простыню, и, увидевши, что Марко спит, перекрестила его и едва коснулася губами его разгоревшейся щечки, бояся поцелуем разбудить его.

– Теперь я, слава богу, спокойна, – говорила она про себя. – Теперь я хорошо знаю, что мой Марочко будет жив и здоров. Теперь у меня есть лечение от всяких немочей. А про счастье его я уже не сомневаюсь. Я вымолю у бога ему и век долгий, и долю добрую. Сказать ли ему когда-нибудь, что я его родная мать? Или никогда не говорить? – И она задумалась. – Нет, не скажу, никогда не скажу. Разве перед смертию на исповеди попу покаюсь, а то никому в свете не скажу.

И, говоря это, она убрала со стола после трапезы венгра, подошла к колыбели, посмотрела на сына, стала на колени перед образами и молилася со слезами о жизни и счастии возлюбленного сына.

Солнце уже закаталось. Домочадцы с песнями возвратились домой. Наконец ворота рас-
творились, и сами хозяева возвратились домой.

– А мы, Лукіе, на дороге венгра встретили, – говорила Марта, входя в хату, – и я у него
купила семибратней крови для нашего Марочка. Бог его знает, а може, что и случится, так вот
у нас и лекарство есть. Что, он спит? – сказала она, понизив голос.

– Спит, – отвечала тихо Лукія. – И здесь венгер был, и я тоже купила семибратней крови.

Ой гоп по вечери,
Запырайте, диты, двери,
А ты, стара, не журысь
Та до мене прыхылысь.

Так припевал веселый Яким, входя в хату.

– Цыть!.. Пьяный лобуре! – проговорила шепотом Марта, показывая на колыбель.

Яким замолчал и, как бы испугавшись, снял шапку и начал креститься перед образами,
потом молча разделся и лег на постель.

– Ай да отец Нил, а бодай же ёго...

– Цыть... – прошипела Марта.

Яким замолчал, опустил голову на подушку, и вскоре заснул. Не замедлило и все живущее
на хуторе последовать примеру Якима.

...Весна быстро развивала зеленые ветви в Якимовом гаи. Черешни, вишни и все фрукто-
вые деревья сверх зелени покрылись молочным белым цветом, а земля разноцветным рястом.
Начались полевые работы. Яким выпроводил с пшеницею чумаков своих в дорогу, но сам не
пошел чумаковать: боялся положить где-нибудь свои старые кости на чужине, в степи при
дороге, как это нередко случается с записными чумаками.

Проводивши чумаков, он усердно и смиренно принялся за свою пасику, говоря:

– Где мне уже теперь по дорогам шляться та с купцами торговаться! Вот мое дело: вер-
тоград та пчелки божиі. Нехай молодые чумакут.

И он почти поселился в пасике. Раз в день заходил он в хату, и то только пообедать. Когда
в пасике все было уставлено и убрано как следует, а пчелы еще не роились, то он раскроет
себе псалтырь и читает вслух с утра до ночи, от доски до доски, а когда язык устанет, то он
доделявает новый улей, еще прошедшее лето начатый, или починивает старую серую свиту.

Иногда приходила к нему в пасику старая Марта с Марком, и это был для него торже-
ственный праздник. Вынималась часть меду из лучшего улья и со всеми ласками угощался
дорогой гость, т. е. Марко.

С наступлением весны Лукія с другою работницею неутомимо приготавливала гряды на
огороде за гаем. И когда гряды были готовы и огородные овощи посеяны и посажены, она
вскопала две грядки в гаи между деревьями, посадила цветов и каждый вечер поливала.

Настало лето, настали жнива, настал, наконец, и день рождения Марка, ей одной извест-
ный.

В тот памятный день она до рассвета пошла в свой цветник, нарвала самых лучших цве-
тов, свила из них венок и, тихо вошедши в хату, так что и Марта не слыхала, положила венок
на голову спящему Марку. Дитя от прикосновения свежих и влажных цветов проснулось и
заплакало. Марта проснулася и увидела над колыбелью испуганную Лукію.

– На что ты его разбудила? – спросила Марта.

– Я не будила, оно само проснулося, я только венок ему принесла, потому что оно
сегодня... – И она чуть-чуть не проговорила.

– На что ему твой венок? Только ребенка перепугала.

Возьми его, повесь перед Варварою-великомученицею.

Лукия молча взяла венок и повесила перед образом.

В тот день был какой-то большой церковный праздник. Она позычила рубль денег у другой наймишки и отпросилась у Марты в первый раз в село сходить, оделась в свою юпку, сподницу, повязала на голову шелковый платок, посмотрела в зеркальце, в стене вмазанное, и покраснела от удовольствия. И правду сказать, несмотря на пролитые ею слезы и претерпенное горе, сердечное и физическое, она все еще была красавица. Она все еще живо напоминала собою ту увенчанную пшеничным венком, ту счастливую царицу праздника Лукию. Простясь с Марком и Мартою, она пошла в село.

Еще и во все звоны не звонили, когда она вошла в церковь. В церкви уже народу было довольно, и все до единого заметили незнакомую молодницу. Девушки и женщины шепотом спрашивали одна у другой: «Чия это такая хорошая молодыця?..» Она же, не обращая ни на кого внимания, поставила перед местными образами по свечечке и подала на часточку о здравии младенца Марка.

После обедни она заказала молебен о здравии рабов божих Якима, Марты и младенца Марка. После обедни отец Нил вручил ей просфирку и просил зайти к нему пообедать.

Она зашла. Матушка Якилына привитала ее, как свою родственницу, много расспрашивала о хуторянах, в особенности о Марке: здоров ли он, большой ли он вырос, вырезались ли у него зубки? и т. д.

После обеда Лукия простилась с отцом Нилом и матушкой Якилыною, пошла на хутор.

В селе долго об ней молва ходила между парубками и молодыми девушками, но никто не доведася, откуда она и кто такая.

Возвратясь на хутор, она отдала поклоны от батюшки и от матушки старой Марте и Якиму, положила просфирку за образ до завтрашнего дня, полюбовалась на спящего Марка, сняла с себя праздничную одежду. Затопила печь в другой хате и при- нялась варить вечерю.

Так прошел первый год пребывания Лукии на хуторе, так или почти так прошел и второй год без особенных приключений, разве только, что Марко начал произносить довольно явственно слово «мама». И, боже мой, сколько общей радости было! Его, бедного, как попугая, попеременно заставляли повторять магическое слово. По прошествии недели или двух старый Яким добился до того, что Марко начал выговаривать слово «тато». Старый Яким был в детском восторге. Он уже хотел его начать грамоте учить, только, к великому его горю, оказалось, что Марко не мог выговаривать ни одной буквы. А Марта каждый день ему мылила серую голову за то, что он понапрасно мучит бедную дытыну.

Еще в конце того же года, как-то в воскресенье, после обеда, сидели они все трое под хатою и пробовали красно- бокие спасовские яблоки, а Марко перед ними ползал на шпорушке. Только они себе, пробуя яблоки, заслушались Якима, а он им рассказывал уже в сотый раз, как он раз, идучи с Дону, у заднего воза колесо и л у ш н ю потерял. Они заслушались и не видят, что Марочко, вставши на ножки, и дыбает к ним, протянувши ручки и улыбаясь, произнося слова: «мамо», «тату». Какая же радость их была, когда они увидели идущего к ним Марка!

Лукия затрепетала от восторга и бросилась к своему Марочку, взяла его за ручонку и подвела к внезапно ошастливленным старикам.

Тут они принялись поочередно водить его около хаты и доводили до того, что Марко заплакал и сквозь слезы проговорил:

– Мама кака.

Старый Яким в восторг пришел от Маркового изречения.

– Так их, так, сыну, – говорил он, – ишь, старые бабы, замучили бедную дытыну.

Хотя он первый неумоимо мучил его первым уроком хождения. Да в этом же году осенью, по первой пороше, охотники, гонялся за зайцем, подскакали к самому хутору, и так как

бедный заяц спрятался от собак на хуторе в гае, то неистовые псари решились не оставлять бедного зверька и в гостеприимном хуторе.

На этом основании они, подъехавши к воротам, стали громко требовать, чтобы им отворили ворота.

Накинувши тулуп, вышел к ним сам Яким и спросил, снявши шапку, что им нужно.

– Отворяй ворота, тебе говорят, старый хохол!

Яким надел шапку и, не говоря ни слова, пошел обратно в хату.

– Что там такое за воротами? – спросила его Марта.

– Татары подступили, – отвечал он спокойно.

Ворота, кроме засова, были замкнуты еще тяжелым шведским замком. Охотники, полагать надо, что были немного на– моча морду (термин из их же словаря). Спешились и начали ломать ворота; но труд был не по силам и только привел их в пущее бешенство. Яким вышел во второй раз, а за ним не утерпела, вышла Марта и Лукия. Один из охотников вскочил на двор через перелаз и бежал с поднятым арапником к Якиму. Но вдруг остановился как вкопанный и арапник опустил.

Это был красивый, стройный юноша с едва пробившимися усами.

Это был бездушный обольститель бедной Лукии. Он увидел ее и руки опустил в изумлении. Когда же пришел в себя, то вежливо сказал Яким:

– Ну, добрый старичок, когда не хочешь нас пустить на свой хутор поохотиться, то пусти, пожалуйста, в свою избу немного обогреться.

– Милости просимо, – сказал Яким приветливо.

– Пожалуйста на двор, господа! – крикнул он своим товарищам.

Лукия узнала его по голосу, быстро воротилась в светлицу, взяла спящего Марка из колыски и вынесла в другую хату.

– Что ты делаешь? – спросила ее Марта.

– Они пьяные войдут в светлицу и разбудят его, бедного.

Лукия не ошиблась: охотники вошли с шумом и огромной оплетенной бутылкой в хату. Спросили довольно нахально закуски, уселись за столом и принялись мочить морды. Молодой корнет выпил только два стакана и больше не хотел пить. Он вопросительно осматривал хату и наконец спросил у Марты:

– Почтенная старушка, я с тобой на дворе видел еще одну женщину; кто она у вас такая?

– Это Лукия, наша наймичка.

– Так это колыбель, должно быть, ее ребенка?

– Нет, это наша дытына!

– Куда же спряталась твоя работница? Ведь мы не звери, чего она испугалась! – Так спрашивал чернобровый, со вздернутым фиолетовым носом и длинными усами охотник. Это был эскадронный командир уланского полка.

– Она в другой хате порается.

– Нельзя ли, голубушка, взглянуть на твою работницу? Она, кажется, недурна собою, – сказал тот же ротмистр, покручивая усы.

– Такая же, как и другие люди. Да ей теперь и некогда, – отвечала Марта.

– Закуримте трубки, господа, да марш! Я думаю, кони порядочно продрогли. Старушка, одолжи-ка нам огонька.

Марта зажгла им свечу. Охотники закурили разнокалиберные трубки, вышли из хаты. За ворота проводил их Яким и, пожелав им счастливого полювання, возвратился в хату.

Лукия, по уходе непрошенных гостей, тоже вошла с плачущим Марком, уложила его в люльку, окутала и стала качать, тихонько напевая какую-то песню. Марко замолчал и вскоре заснул.

Яким долго молча сидел за столом, облокотясь на руки, и наконец едва внятно заговорил:

– Бог его святой знает, когда эти уланы от нас уйдут? Прогневали мы милостивого господя; вот уже четвертый год стоят да и стоят. Как будто навеки тут поселились. И что тот дурень турок думает, хоть бы войну скорее начал. А там бы, может, бог дал бы, и улан от нас вывели на войну. А то даром только хлеб едят, благо дешевый. Ну, да хлеб бы еще ничего, у нас его, слава богу, немало. А то грех, да и только, с ними! Теперь хоть бы и наши Бурта – велико ли село? А люди добрые говорят, что уже третью покрывку покрыли.

Лукия вздрогнула.

– Да, третью покрывку! Шутка ли? Каково же отцу и матери бесталанной? А им, горемычным? Пропавшие, пропавшие навеки!

Лукия тихо заплакала.

– Плачь, моя доню! Плачь! Ты еще, слава богу, хоть московка, все-таки не покрывка. У тебя еще осталась хоть добрая слава! А у них, бедных, что осталось? Позор, и до гроба позор!

В продолжение всего этого монолога Марта сидела на скрыне, подперши старую голову руками. Потом и она заговорила:

– Так, Якиме, так. Вечная наруга. Вечное проклятие на земли. А на том свете что? Огонь неугасимый! Сказано – блудница!

– Ото-то и есть, что ты глупая баба, стоишь в церкви, а не слышишь, что отец дьякон в евангелии читает!

– А что ж он там читает?

– А то, что господь прощает всех раскаявшихся грешников, даже и блудницу.

– Правда! Правда, Якиме! А вот и Мария Египетская... как ты читаешь в житии...

– Вот то-то и есть, а преподобалась же? Не плачь, дочко Лукие. Тебе нечего плакать. Ты мужнина жена, пускай плачут да молятся вот те бесталанницы. А уж ты и без мужа найдешь кусок честного хлеба... Айв самом деле, давайте пообедаем, а то за тумы уланымы и пообедать не удастся.

Лукия молча накрыла стол чистой скатертью, поставила солонку и положила хлеб и нож на стол. Яким, перекрестясь, начал резать хлеб на тонкие куски, сначала сделав ножом крест на хлебе. Богу помоляся, села за стол Марта, а Лукия стала наливать борщ в миску.

Заяц, на беду свою, выскочил из хутора в поле в то самое время, как Яким затворял калитку и желал охотникам доброго полювань. Охотники, увидя косога врага своего, закричали: «Ату его!» – и помчались вслед за борзыми. Только снежная пыль поднялась.

Один охотник, проскакав немного, отстал от товарищей, остановил коня, постоял недолго, как бы раздумывая о чем-то, потом махнул нагайкой и поворотил коня по направлению к Ромодановому шляху.

Охотник этот был молодой корнет, которого мы видели в хате пьющего водку стаканом. Но это в сторону: можно и водку пить, и честным быть. Одно другому не мешает. Молодому корнету, как кажется, вино (а может быть, и воспитание) помешало быть честным (потому что он по породе благородный).

Долго он ехал молча, как бы погружаясь в думу.

О чем же он думал, сей благородный юноша? Верно, он вспомнил прошлое, бывшее. Верно, он вспомнил свой проступок перед простою крестьянкою – и совесть мучит молодую и уже испорченную душу. Ничего не бывало! Он по временам говорил сам с собою вот что:

– Фу ты, черт побери, как она после родов похорошела! Просто бель фам. – Молчание. – Жаль, не видал мальчугана, а должен быть прехорошенький. Я помню его глазенки, со–вершенно как у нее. – Опять молчание. – А что, если на досуге начать снова? Далеко, черт возьми, ездить – верст тридцать по крайней мере! А чертовски похорошела! И зачем она, дура, бежала из своего села? Смеются... Эка важность! Посмеются да и перестанут. – Опять молчание. – Ба! Превосходная идея! Эскадрон один в этих двух селах! Решено! Жертвую Мурзою ротмистру, пускай меня переведет в третий взвод, а он квартирует в этом селе, как бишь его – Гурта,

Бурта, что ли? Браво! Превосходная мысль! Я тогда могу бывать каждый день на хуторе. Превосходно! Ну, моя чернобровая Лукеюшка, закутим! Вспомним прежнее, бывшее! Марш, нечего долго раздумывать!

И он пустился в галоп. Проскакав версты две, он дал лошади перевести дух и опять заговорил:

– Хорошо! А как же я расстануся с братьями-разбойниками? Ведь день, другой, пожалуй, неделю, можно поесть рябчиков, а там захочется и куропатки! Впрочем я могу каждую неделю, по крайней мере, навещать свою удалую братию один раз. Оно будет и разнообразнее, и, следовательно, интереснее. Решено! Ведь в этих случаях жертва необходима! Неси меня, мой борзый конь. И он сильно ударил нагайкой по ребрам своего борзого коня.

Конь полетел быстрее и быстрее, почуя близость знакомого села. И в широкой, покрытой снегом долине показалась синяя полоса. Это было село, родное село Лукии.

Он проехал шагом цыгану и легкой рысью въехал в село. Первый живой предмет, попавший ему на глаза, это был пьяный мужик, едва державшийся на ногах. Корнет узнал в нем отца Лукии.

– Здравствуй, почтеннейший! – сказал корнет, приостанавливая коня.

– Здравствуйте, ваше благородие, – едва проговорил мужик, снимая шапку.

– А я ведь отыскал твою Лукеюшку!

– Она теперь не моя, а ваша, ваше благородие.

И, сказавши это, нахлобучил свою порыжелую шапку на глаза и побрел, шатаясь, к своей давно уже не беленной хате.

Корнет посмотрел вслед ему и проговорил:

– Глупый мужик, а туда же рассуждает.

И, подбоченясь, поехал шагом вдоль села.

А глупый мужик, не рассуждая, пришел в свою нетопленную хату, посмотрел на голые стены и, как бы отрезвись, снял шапку, перекрестился три раза и лег на дубовой, давно уже не мытой лаве, говоря как бы сквозь сон:

– Вот тебе и постели, старый дурню! Не умел спать на перине – теперь на лаве! под лавою! в помойницы! на смитны – ку! в калюже с свиньями спи, стара пьянице! О господа! Господа, твоя воля! А, кажется, такая тихая, такая смиренная была! А вот же одурила, одурила мою седую голову!

И он, не подымая головы, навзрыд заплакал.

В хате было пусто, холодно, под лавами валялись разбитые горшки и растрепанный веник. От стола и ослона только остатки валяются по хате. А от другой лавы и остатков не видно, кочерги, макогона и рогача тоже не видно около печи, а в печи зола инеем покрылась. Пустка! Совершенная пустка! А недавно была веселая, белая, светлая хата. Куда же девалась скромная прелесть простой мужицкой хаты?

Посрамление своего единого дитяти, своей Лукии, не пережила престарелая мать. Она плакала, плакала, потом захворала и вскоре умерла. Старик, похоронивши свою бедную подругу, не устоял против великого горя, начал пить и в два года пропил все свое добро, уже добивался до самой хаты.

Такие-то бывают иногда последствия минутного увлечения.

Старик долго еще бормотал, полусонный, и наконец замолк. Немного погодя мышь из норки выбежала на середину хаты, повертела головкой и, вероятно, заметила спящего на лаве хозяина, повернулась назад, еще раз осмотрелась и скрылась в норку.

На хуторе дни проходили без особых приключений. Марко вырастал не по дням, а по часам. У него прорезались зубки без особых припадков, как это бывает с другими детьми. Он стал уже ходить по хате без помощи ослона или лавы, и, целые часы глядя на его походку, любующаяся, старый Яким давал ему разные названия, как-то: гайдамака, чумак, запорожец, и однажды

нечаянно назвал его уланом, отчего Лукия вздрогнула, побледнела и вышла из хаты, а Марта, не замечая смущения Лукии, вскрикнула на Якима:

– Перекрестися, божевильный! Какой он у тебя улан! – И, взявши Марка на руки, целовала его, крестя и приговаривая: – Укрой и сохрани тебя матерь божия от всякой злой напасти. – И, лаская, укладывала его в люльку.

Лукия возвратилась в хату, Марко уснул, и тишина водвори- лася в хате.

Неделю спустя после описанной нами сцены, после обеда Яким по обыкновению отдыхал, Марта тоже на печи дремала, а Марко, вооружась арапником, нарочно для него сплетенным Лукией, бегал от стола до порога и от порога до стола, размахивая своим арапником. Лукия молча любовалась своим сыном. Она с чувством тихого восторга смотрела на него и не знала предела своему счастью. Ей послышалось, что наружная дверь заскрипела. Она вздрогнула. Через минуту створилась дверь в хату и вошел в охотничьем наряде корнет.

Лукия вскрикнула, схватила Марка и выбежала из хаты. Он выбежал за нею, но не мог ее догнать. Лукия спряталась в клуне, куда он побоялся войти, потому что там были молотники.

Походивши немного по двору, он вышел за ворота и, севши на коня, поскакал в поле.

Дремавшая Марта соскочила с печи и, не видя в хате ни Марка, ни Лукии, переполошилась. За нею проснулся и Яким, и оба, не понимая, что случилось, смотрели друг на друга.

– Где Марко? – спросила Марта.

– Не знаю! – отвечал Яким.

– Кто тут кричал в хате?

– Не знаю! – отвечал Яким.

– Ты никогда ничего не знаешь! – почти крикнула Марта и вышла из хаты.

– А ты так хорошо знаешь, когда едят да тебе не дают, – сказал Яким, медленно подымаясь с постели.

Марта вошла в другую хату, и там нету ни Марка, ни Лукии. Она вышла во двор и встретила из клуни идущую перепуганную Лукию.

А Марко, бедняжка, посинел от холоду и прегромко плакал.

– Ты бога не боишься, Лукие? – кричала Марта. – Ну, как таки можно бедное дитя выносить на такой холод. Видишь, как оно, сердечное, посинело? Дай его мне. И что это тебе в голову пришло, скажи, ради матери божой?

– Я испугалась, – едва проговорила Лукия.

– Какого ты там рожна испугалась?

– У нас был в хате...

– Кто у нас был в хате?

– Улан, кажется, – шепотом проговорила Лукия.

Они вошли в хату.

– Что там такое случилось с вами? – спросил Яким.

– Лукия говорит, что у нас улан был в хате!

Яким засмеялся и спросил:

– А волка не было с уланом?

Лукия на его остроту не отвечала.

Марка кое-как успокоили. И старый Яким снова, усмехаясь, заговорил:

– Ну, скажешь, Лукие, какой это к нам улан приходил: рудый, серый и волохатый? А бодай же тебе, Лукие. От насмешила, так так!

И он простосердечно захохотал.

Лукия молча улыбалась. А Марта, качая люльку, шепотом говорила:

– Цыть! Дытыну розбудишь своим проклятым хохотом. Оно, бедное, только что глазки закрыло.

– Да как же тут не смеяться? Вовкулака, или тот, как его, улан рудый, в хату заходил.

– Та пускай себе и заходил, только ты замолчи, – сказала Марта, не переставая качать люльку.

Не проходило дня, чтобы старики не подтрунили над бедною Лукиєю, и это продолжалось до тех пор, пока не посетил их корнет в другой раз.

А это случилось ровно через неделю.

Старики и Лукия тешились Марком, как он таскал за собой повозочку, Лукиєю же сделанную из редьки, и погонял сам себя нитяным арапником. И только что он прошел от стола до дверей, как дверь отворилась и в хату вошел корнет и чуть не свалил с ног чумака Марка.

Лукия бросилась к ребенку, схватила его и бросилась из хаты. Марта выбежала за нею, а корнет, снявши шапку, поздоровался с Якимом.

– Доброго здоровья, – отвечал Яким, вставая.

– Что это они у тебя такие дикие?

– Да что, добродию! Сказано – бабы. А бабы и козы – все равно, скачут, когда завидят человека. Дуры хуторяне, никакого звичаю не знают.

– А я сегодня поохотился немного да и тебя, старина, навестил, – сказал он, садясь на лаву.

– Покорно благодаримо, просимо – садитесь. Не угодно ли будет пополудновать у нас попростому? Вы, я думаю, на своей охоте проголодались?

– Да, весьма не помешало бы. Я таки порядочно голоден. С утра ничего не ел.

– Ото-то ж! Посидите ж часть времени, а я пойду отыскать своих диких хуторянок.

И он вышел из хаты.

Корнет, оставшись наедине, прошелся раза два по хате и остановился около люльки.

– Ба! Превосходная мысль! – прошептал он и, вынув из кошелька червонец, положил под подушку в люльку, и только что уселся на прежнем месте, как вошла Марта в хату, молча поклонилась гостю, достала чистую скатерть, накрыла стол и начала молча готовить полдник.

Через несколько минут вошел Яким в хату, говоря:

– Хоть кол на голове теши, не хочет войти в хату, да й только!

– Кто это не идет в хату? – спросил охотник.

– Да наша наймичка, такая глупая, как будто людей отродясь не видала.

– А не йдет, так и пускай себе не йдет, – сказала Марта, – мы и без нее управимся.

Приготовивши все для полдника, она вышла из хаты.

– Прошу вашей милости, садитесь за стол та полуднуйте, что бог дал! – сказал Яким, садясь на ослоне.

– Ах да, я и забыл. Ведь у меня есть роменская кизлярка! – И он вынул из охотничьей сумы бутылку с водкой и поставил на столе.

– Не извольте трудиться, ваша честь. У нас, правда, есть и своя, да мы с старою мало употребляем, то и добрых людей иногда забываем потчевать.

И он хотел встать, но охотник удержал его:

– Постой! постой, дядя! Ведь у вас не такая, у меня ведь настоящая кизлярка. – И он вынул серебряную чарку из сумы.

– Не знаю, не случалось пивать такой. А всякие вина перепробовал на своем веку.

– Так вот попробуй, дядя, – сказал охотник, подавая старику чарку.

– Попробуем, что там за кизлярка! – сказал он, принимая чарку и крестясь. – Господы благословы!

Выпивши водку, он немного помолчал и проговорил:

– Нечего сказать, хорошая водка. А дорога?

– По цалковому бутылка.

– О, цур же ей, когда так! У нас на карбованець видро купиш.

– Купишь, да не этакой!

– Э, все одинаково, лишь бы назавтра голова болела.

И они молча принялись закусывать колбасу и холодное свиное сало, до которого, впрочем, охотник не прикасался. Невежа не знал, что холодное свиное сало лучше всякого патефруа. А впрочем, о вкусах спорить нельзя.

Охотник кстати привел поговорку, что по одной не закусывают. Потом другую, что без тройцы дом не строится. Потом еще и еще поговорку, а за поговоркой, разумеется, наливалась и выпивалась чарка, так что не прошло часа, а в бутылке уже было пусто, как у пьяницы в кармане.

Они стали говорить громче и быстрее. Охотник наговорил Якиме много любезностей, почти великосветских, и между прочим вот какую:

– А ты мне, дядя, с первого разу понравился. Помнишь?

– Помню, – отвечал Яким. – А вы мне так попросту совсем тогда не понравились. А теперь так вижу, что ты человек хороший.

– Вот то-то и есть! Ты раскуси-ка меня, дядя, так не то увидишь!

– Нет, я кусать тебя не буду, а знаёмыться милости просимо.

– Ведь я, правду тебе сказать, для тебя и в ваше село на квартиру перешел, чтобы только к тебе в гости ездить.

– Благодаримо, благодаримо! Марто! – крикнул он, вставая со скамьи. – Пряжи яешню с колбасою! Давай видро вы– стоялки. Не знаешь, старая баба, какой у нас человек сидит!

– Полно, полно, ничего не надо, дядя! Я сейчас уеду.

– Уедешь, только не сейчас, я тебе еще покажу нашего Марка.

– А кто это такой ваш Марко?

– А наша дытына. Разве ты и не знаешь, что у нас и сын есть? – И он пошел к двери, бормоча: – Вот я вам дам, вражи бабы! – И он вышел за двери.

Через минуту он внес на руках в хату плачущего Марка, а за ним вошла и Марта.

– Посмотри! посмотри! – говорил он. – Какое нам добро господь на старости послал! На, забавляй его по-своему, – и он передал Марка Марте.

– Иды, иды, гайдамака, сякий сыну такой! – И он рассказал охотнику историю успокоившегося Марка.

Охотник рассеяно выслушал рассказ Якима, сказал:

– А кто же его настоящая мать?

– А бог ее знает! Уповать надо, покрывка какая-нибудь, бесталанница!

– У тебя все покрывки! А может, и честная женщина, только бедная, – сказала Марта.

– А может, и честная. Бог ее знает. Куда же вы? – сказал он, обращаясь к охотнику. – Погостите, бога ради, вы у нас и то редко бываете. Стара! Выстоялки! Яешни!

– Благодарю тебя, дядя. Буду часто бывать, только сегодня не держи: не могу, дома есть дело.

– А коли дело, так и дело. Как волите, сами лучше знаете. А хорошо б попробовать еще нашей выстоялки.

– Нет, благодарю. В другой раз. Прощай, дядя. – И он вышел из хаты.

Яким, проводивши за ворота дорогого гостя и в сотый раз повторив просьбу не минать их хутора, возвращался в хату, бормоча про себя:

– Притча во языцех! Вот тебе и москаль! Вот тебе и улан! Да дай бог, чтоб и хрещеные люди такие росли на божьей земле. Молодец, нечего сказать. И где он такую дорогую водку покупает? Говорит, в Ромнах. Надо будет поехать в Ромен та достать такой водки, чтоб не стыдно было, когда в другой раз заедет. Так, я думаю, не достанешь. Паны всю выпили. Ну, уж за этими панами нашему брату просто некуда деваться. А что ж, ведь и он тоже пан, хоть и

московский, а человек хороший, очень хороший человек. Хоть бы и у нас таких панив наснять. А что, на Москве тоже растут паны?

И, задавши себе такой хитрый вопрос, Яким, шатаясь, вошел в хату.

Лукия, перестилая ввечеру постельку Марку, нашла под подушкой червонец и сейчас догадалась, что это было дело его нежного папаша, взяла его в руки и не знала, что с ним делать. Подумавши немного, она опустила его в пазуху и молча продолжала свое дело.

Охотник сдержал свое слово: он каждую неделю исправно два и три раза посещал хутор, только без всякого со стороны сердечной поощрения. Поил Якима кизляркою, а Яким его потчевал десятилетней выстоялкою. Тем и кончались его визиты. Лукия всегда убегала из хаты, когда его только завидит, а он был до того скромен или лукав, что никогда ни слова не сказал старикам про их наймичку. Как будто он ее никогда и не видал.

Любовался всегда своим Марком, как совершенно для него посторонний, привозил ему всегда пряники, а иногда и другие гостинцы, чем и успел приласкать к себе дитя. Так что, бывало, когда он входил в хату, то оно бежало к нему навстречу, протягивая ручонки, и кричало:

– Да-да.

В великом посту, когда старики говели и с пятницы на субботу остались ночевать у отца Нила, чтобы не проспять заутрени, корнет перед вечером приехал на хутор. Он знал, что старики в селе и ночевать не будут дома. Оставил с денщиком своего коня, а сам прокрался, как вор, на двор и потом в хату.

Лукия в это время играла с Марком и, когда увидела его в хате, то вскрикнула и чуть ребенка из рук не уронила.

Они молча остановились друг перед другом. Марко протянул к нему ручонки и сказал свое обычное «да-да». Но «да-да» не отвечал ни слова на привет Марка. А Лукия схватила его ручонки и прижала к себе.

Долго продолжалось молчание. Наконец он заговорил:

– Скажи, Лукеюшка, за что ты меня не любишь, зачем ты от меня прячешься всякий раз, когда я сюда приеду?

Лукия молчала.

– Я мучуся! Я страдаю! Я умираю без тебя, цветочек мой прекрасный, мой розан ненаглядный. Проговори хоть одно слово, хоть взгляни на меня!

Она взглянула на него, но не проговорила ни слова.

– За что я тебе вдруг немилым стал? Вспомни ты темный сад и те короткие сладкие минуты, что мы проводили с тобой.

Она опять взглянула на него, и из прекрасных ее карых очей покатались крупные слезы.

– Чего ты плачешь, моя прекрасная? Или тебе стало жаль прошлого? Что ж, от тебя зависит, начнем снова.

Она плюнула ему в глаза.

– Не сердися, моя крошечка, я тебе всего, всего себя, всю жизнь свою тебе отдам.

Лукия с омерзением отворотилась от него, подошла к двери и, отворивши дверь, громко крикнула:

– Катре!

– Не зови никого, побудь со мною наедине, я тебе всю правду, всю истину скажу. И ежели есть у тебя хоть искра чувства, ты извинишь меня!

Между тем вошла в хату, со скалкою в руках, дюжая Катря.

– Катре, голубочко, побудь с этим паном, а я вынесу Марка в другую хату, а то он его боится и плачет.

И с этим словом она вышла из хаты. Через минуту она возвратилась, держа в руке червонец. Подошла к нежному своему обожателю и, подавая ему червонец, сказала:

– Марко и без твоих червонцев богат, возьми.

Он отодвинул ее руку. Она бросила ему червонец на пол и вышла их хаты.

Он поднял червонец, повертел его в руке, как бы раздумывая, что с ним делать.

– Вот тебе, голубушка, – сказал он Катре, подавая ей червонец. – Только ты пособи мне ее уломать.

Катря, взявши червонец, проговорила:

– Какой хорошенький дукачик! Что ж это у него дирочки нету? Как же его носить? Вот теперь если б доброе наместо.

– И монисто куплю, только ты уломай ее.

– Добре, уломаю.

И он вышел из хаты.

– За что это он ломать просил? – спросила Катря у входящей Лукии.

– Не знаю, – ответила она.

– Посмотри, какой хорошенький он мне дукачик подарил.

Лукия взглянула на червонец и не сказала ни слова. Катря вышла, а Лукия осталась в светлице и всю ночь проплакала.

В субботу после вечерни старики возвратились домой и не могли нахвалиться гостеприимством своего знакомого охотника. Он их после обеда от отца Нила зазвал к себе на квартиру, и чем он их не угощал? И чаем, и сахаром, и всякою всячиною, так что всего и не упомнишь. Одно только Марте не понравилось, что у него везде табак: и на столе табак, и на окнах табак, и на лаве табак – везде табак. Она думала, что у него и чай из табаку, а потому-то съела кусочек сахара, другой спрятала для Марка, а до чаю и рукой не прикоснулась. Еще две вещи ей сильно не понравились: это собака на постели и денщик, такой старый, оборванный, грязный, на рукав как грязи, что и вихтем не отмоешь. И еще чудно: он уже сытый, а он ругает и все кричит: «Эй, малый!» А может, это по их московскому звичаю так и следует, бог там их знает?

Посещения его продолжались по-прежнему, и по-прежнему без успеха. Он часто дарил разные безделушки дебелий и простоватой Катре. А та по простоте своей говорила ему, что Лукия каждый день и ночь за ним плачет и что даст бог ве– лыкодня дожждаться, тогда можно будет просто в церковь да и «Исайя, ликуй».

Пост был в исходе. Нужно было и Лукии отговориться. Как же ей быть? Он теперь квартирует в Буртах, он не даст ей и богу помолиться, а не то что отговориться. Подумавши, она попросилась у своих хозяев навестить своего отца и заодно отговориться в своем селе.

Старики охотно согласились и предложили ей сани и лошадь. Она отказывалась, но не могла отказаться. А на говенье, кроме платы за службу, Яким дал ей карбованец.

После обеда, в воскресенье, на шестой неделе, она выехала из хутора на маленьких саночках прямо на Ромодановский шлях.

Не хотелось ей, бедной, ехать в свое село, но любовь дочери поборола в ней стыд покрытки. Она уже третий год не имела никаких сведений о своих родных.

С трепетом въехала она в свое родное село. Подъехала к воротам своим и вскрикнула в ужасе.

Ворота были разобраны, частокол повалился, соломенная крыша на хате ветром разорвана, и черные стропила виднелись, как ребра из полуистлевшего чудовища.

Привязала лошадь к оставшейся около ворот вербе, а сама вошла в хату. Пустка, и снаряды, и внутри пустка!

– Куда же они делись, неужели умерлы? – спросила она сама себя и вышла из хаты.

У кого же она теперь приютится?

У нее давно когда-то, года три тому назад, была знакомая край села, старая московка, у которой прежде собирались ве– черныцы. Она к ней и направила свою лошадку.

У этой старой московки почти на выгоне было не то, что называют хатой, а вернее, то, что у нас называют куринем, т. е. ежели смотреть издали, то это скорее похоже на кучу навозу, нежели на жилище человека. Вблизи же она была, как говорится (и говорится справедливо), живописна. И живописна до такой степени, что я, хотя и не любитель подобных живописных вещей, беруся, однако же, нарисовать – того для, чтоб показать моим почти сонным слушателям, что я не лгу, как какой-то курьер.

Ахнули в селе люди добрые, когда увидели около куреня московки клячу и едва заметные санишки.

– Откуда она взяла такое добро? – все в селе вскрикнули. – Ведь у нее давно уже вечерницы не собираются!

Пошли по селу толки – такие точно толки, как бывают в уездном городе, когда проедет по его единственной улице жандарм на тройке в чем-то.

Лукия, распрягнув лошадь, привязала ее к санному полозу и, бросивши ей сенца, вошла в москальхин куринь (это было в сумерки). Войдя, помолилася и едва-едва нащупала свою старую знакомую. Нашупавши, она сказала:

– Добрывечир!

– Добрывечир! – едва отвечало ей что-то.

Лукия ощупала тряпки, а в тряпках завернуто что-то живое.

– Нездужаю; стара, погана, погана стала.

– Чи нема у вас лою, я б каганець засвистыла.

– Ничого нема! И печь не топлена. Я позавчера ходила в гости, воротилася додому тай занедужала.

– Что же у вас болыть?

– Все болыть, моя голубко.

Лукия оставила ее и через полчаса возвратилася с дровами, затопила полуразвалившуюся печь, нашла где-то под пры– п и ч к о м с обитыми краями горшок и, положи в него снегу, приставила к огню.

– Спасыби тобі, – проговорила больная.

Пока растаивал снег и потом грелася вода, Лукия вышла на двор, посмотрела на клячу, на сани и говорила сама с собой:

– Господы, у мене хоть чужие добри люды есть! А у нее никого нету, настоящая сирота.

Она подошла к саням, вынула из них торбу с паляныцями и молча вошла в хату. Вода в горшке уже кипела; она его отставила от огня и спросила хозяйку:

– Чи нема у вас какой-нибудь мисочки?

– Есть, голубко, на печке посмотри. Мне на днях Майчиха прислала рыбки, дай бог ей доброе здоровье, так мисочки я ей еще не относил.

Лукия, действительно, нашла глиняную небольшую чашку, вымыла ее, налила горячей воды и, подавая больной, сказала:

– Выпей ты горячой воды немного та съешь хоть кусочок паляныци, тебе лучше станет. Если б можно было достать ш а в л и и, то оно бы еще лучше было. – И, говоря это, она отломил кусок белого хлеба и подала больной. Больная выпила воду, съела немного хлеба и благодарила свою лекарку:

– Тебя сама мать божия послала ко мне.

– Лежи, не вставай, я тебя укрою. – И она укрыла ее своим тулупом.

Между тем печка истопилася. Она закрыла трубу. Больная начала дремать. Зазвонили к повечерне. Лукия надела белую свиту, осмотрела еще раз свою больную, вышла из хаты.

Она пошла к повечерне. Как она войдет в церковь? Ведь на нее все пальцами покажут. Все скажут ей в глаза, что она свою мать и отца в гроб свела.

– Пускай показывают на меня, – думала она себе, – пускай смеются, говорят, знушаются, я все вытерплю, все выстрадаю, я должна выстрадать, я великая грешница. Об одном только прошу тебя, милосердный боже мой, пошли ты здоровья и добрую долю моему единому сыну.

Опасения ее насчет насмешек были напрасны: народу было в церкви мало, и ее никто не заметил. Она же себе остановилась у самых дверей, а в церкви никто назад не обращается (по крайней мере, так делается в наших селах).

Уже в сумерки она возвратилась в хатку и, увидя, что больная все еще спит, тихонько вышла из хаты, сводила свою лошадку к Суле, напоила ее, и, приведя обратно, подложила ей сена, и обошла кругом хаты, выбирая место, где бы приютить свою лошадку. Хотя на дворе уже был март, но все-таки на случай ветру не помешало бы приютить, но приюта совершенно никакого не было.

– Господи, какая она бедная! – сказала она. – Хоть бы тебе тынок какой, хоть бы хлевушка какой, – таки совершенно ничего! Как же она живет, горемычная?

И, проговоря это, она вошла в хату. Больная уже проснулась и хотела подняться с постели, чтобы достать воды. Лукия подала ей простывшей воды, уложила ее в постель и в потемках села на полу около ее постели. Больная заговорила:

– С меня как рукою сняло. Если бы не ты, то я не знаю, что бы со мною и было. Благодарю тебя, пускай бог тебе заплатит.

Лукия молча вздохнула.

– Чего ты так тяжело вздыхаешь?

– Так, – отвечала Лукия.

– Может быть, ты тоже нездужаешь?

– Нет, слава богу, здорова!

– Ах ты, моя бесталаннице! – сказала больная с чувством. – Я и забыла, при моей немощи, про твоё тяжкое бесталанье! Ну, скажи ж мени, моя горлыще, живо ли оно, здорово ли оно, моя рыбочко?

– Слава богу, здорово.

– Как же его зовут, моя галочка?

– Марком, – неохотно ответила Лукия.

– О горе мое, тяжкое горе! – помолчав, заговорила больная снова. – Что же мы с тобою будем вечерять? Ведь у меня ничего нету.

– У меня паляныця есть.

– У тебя... у тебя... да у меня ничего нету.

– Даст бог, и у тебя будет.

– А где же мы свитла возьмемо? – через минуту проговорила больная.

– Сегодня и так повечеряем. – И она ощупью нашла мешок с хлебом, подала кусок больной и себе другой отломилась. Поужинавши чем бог послал, Лукия наведлась к лошади, и, возвратясь в хату, помолилась богу и легла на полу спать. Словоохотливая старуха пробовала с нею заговаривать, но Лукия, пожелавши ей доброй ночи, вскоре заснула или притворилась заснувшею.

На другой день поутру Лукия, возвратясь от заутрени, нашла свою пациентку на ногах. Она уже затопила печку и что-то приставила в горшке к огню. Увидя входящую Лукию, она быстро обратилась к ней и сказала:

– Добрыдень! Добрыдень, моя голубка! А я уже и печь затопила.

– Добрыдень вам! – сказала Лукия.

– А ты еще краше стала, как прежде была. Ей-богу, правда. Да у тебя и лошадь есть.

– Лошадь не моя, добрые люди позычылы.

– Добрые люди – спасыби им! Побудь ты, голубочко, не-долго дома, а я сбегаю тоже к добрым людям, не добуду ли чего к обеду. Ведь ты знаешь, как я живу: где день, где ночь.

– Возьми у меня деньги, за деньги скорее достанешь, нежели выпросишь.

– Правда! Правда твоя, голубко сыза. – И она взяла у нее копу грошами. – От тепер можна и на свежую рыбку рассчитывать, и на олию, и на все доброе. Хазяйнуй же, моя рыбка, я духом вернуса. – И она выбежала из хатки.

Зазвонили к часам – хозяйка не возвращается в свою господу. Уже на шестый и на девятый звонят – ее все нету. Лукия хотела замкнуть хатку и идти в церковь. Но, горе, и засунуть нечем, не то чтобы замкнуть. Делать нечего, нужно дожидаться: хату нельзя так оставить. Хоть, правду сказать, вору там совершенно нечего было делать. Наконец, далеко уже за полдень, пришла и хозяйка. Правда, она принесла, кроме съестных припасов, четыре свечи и даже кой-что из посуды, как-то: две ложки и что-то вроде черепка. И несмотря на все эти покупки, и сама еще была навеселе. Бедняжка таки не утерпела, забежала к своей щирой приятельке шинкарке.

– Вот тебе, моя голубка сыза, – сказала она скороговоркою, – вот тебе и все наше господарство. Тепер заходимося варить обедать.

– Вари вже ты без мене, – сказала Лукия, улыбнувшись. – Вари, а я пойду до церкви.

– Разве уже дзвонили?

– Скоро задзвонять.

И действительно, вскоре стали благовестить к повечерне. Лукия оделась и ушла в церковь. Хозяйка осталась одна и при- нялася за стряпню, тихо припевая:

Упылася я, Не за ваши я – В мене курка неслася, Я за яйця выпылася.

Не знаю, как назвать подобные явления в семье человечества: жалкими или счастливыми. Я думаю, скорее счастливыми, потому что они на всякое житейское горе почти смеются, и это, не думайте, чтоб было от недостатка того, что мы называем чувством. Совсем нет. Они чувствуют по-своему. Вот хоть, например, и эта бедная поющая старушонка. Бог ее знает, быть может, песня эта у нее выражает самый злой сарказм, а может быть, и самую чувствительную элегию. Или она готова рассказать вам свое грустное похождение в Казань и обратно с неприятным смехом, а на чужое поживнпне штипря зарыдать и сию же минуту утереть слезы, как ни в чем не бывало.

По-моему, счастливы подобные натуры.

Когда Лукия пришла из церкви, у ней уже готов был смиренный ужин. Вместо стола накрыла свою пустую б о д н ю, поставила на нее зажженную свечу, поставила свежую рыбу и поставила четверточку водки. От водки и рыбы Лукия отказалась по той причине, что она говееет.

– Не хочеш, то як хочеш, моя голубко сыза, а я на старости выпью.

– Выпый на здоровья.

После вечери они долго еще просидели – Лукия за работою, а хозяйка за рассказами да расспросами. Лукия шила своему сыну к празднику обнову – жупанок из красной китайки и белую рубашечку с мережаным комиром.

– Так ты его с тех пор и не видала, голубко сыза?

– Ни.

– Его недавно вывели из нашего села у какое-то другое село на квартиру. И что же ты думаешь? Найшлася така дура, что и туда за ним пошла. Может быть, знала Одарку Норив– н у, так вот она сама. Та й лыхо ж он с нею здесь и выделявал! Да и то правда, с одной ли ею!

При этом рассказе Лукия то бледнела, то краснела. Бедная женщина, неужели злость или ревность прокрадывается в твою смиренную душу? Забудь его, не стоит он твоего воспомина- нья.

Так или почти так провожали они вечера в продолжении недели. Отговорившись, Лукия заложила лошадку, простилася с хозяйкою и выехала за село. В поле снегу уже почти не было, оставался кой-где по дороге, и то почерневший. Кое-как дотащилася она до Ромоданового шляху, а там оставила свои санишки, а лошадь повела за повод на хутор.

В сели довго говорылы
Дечого багато,
Та не чулы вже тых речей
Ни батько, ни маты.

Уланы же, когда узнали о полюбовнице своего командира, то, глядя на нее, идущую из церкви, только улыбалися и усы крутили.

Сердобольные кумушки-соседушки, когда узнали, что она еще у московки квартировала, тогда и рукой махнули.

Лукия, возвратясь на хутор, не могла налюбоваться на своего Марочка. Она еще никогда на целую неделю с ним не разлучалась. В радости хотела было и сшитые ею обновы на него одеть, но поудержалась. Старики за радость ей объявили, что, когда она уехала говеть, в тот самый день приезжал к ним улан-охотник, брал Марка на руки, целовал его, любовался им и обещал к празднику такое ему подарить, что мы все зды– вуемся.

Лукия даже не улыбнулась, чем старики были недовольны. И когда она вышла из хаты, то Марта, лаская Марка, проговорила:

– Да ей-то что до тебя, моя дытыно! Ты для нее чужой, то ей и байдуже.

– Ну, ты вже пойдешь прибирать, – проворчал Яким, надел шапку и пошел на двор.

До праздника не посещал их улан-охотник по случаю распутицы, зато на праздники не проходило дня, чтобы он не посетил хутора и каждый раз не говорил, что почта не пришла еще из Петербурга, должно быть, по случаю распутицы. Случалось иногда, он заставлял Лукию наедине, и тут меры не было его клятвам, что он ее полюбил пуще прежнего. Она уже на него почти не сердилась.

Подлый ты, лукавый человек! Чего ты от нее хочешь? Ужели для мгновенного скотского наслаждения ты возмущаешь ее едва успокоенное сердце?

Бедная ты, слабая ты женщина! Ты опять готова слушать его хитрые дьявольские речи. Ты опять готова впутаться в его ядовитую паутину. Ты готова забыть свое собственное прошлое горе, горе отца и матери и даже их могилы!

Она и забыла бы (дьявол же искусил святого), она опять упала бы в бездну, и, может быть, упала б невозвратно, но, к счастью ее, уланам на фоминой неделе назначен поход в другую губернию. И это только обстоятельство спасло ее.

Каких усилий, какого тяжкого труда ей стоило переломить себя! И только одна благородная, возвышенная любовь матери спасла тебя от разверзавшейся в другой раз перед тобою пропасти. Без высокой любви своей к детищу пошла бы ты за эскадроном, как ходят тысячи тебе подобных. Сначала твой мыльный-чорнобрывый остриг бы тебя и одел мальчиком (как сердечную Оксану), чтобы скрыть твой пол от товарищей, а через месяц он перестал бы тебя и скрывать, а на другой – играла бы тобою пьяная молодежь на бивуаках. На третий – ты бы для них устарела и опротивела, потому что ты опять забеременела, и возили б тебя вместе с дорожными собаками в телеге, потому что от тебя отвязаться нельзя, а тебе приютиться негде, кроме уланского обоза. И вот ты родила ночью под телегою. И только одна безмолвная свидетельница луна святая твоих физических страданий, а милосердный бог один утешитель и успокоитель твоей сердечной горести. Ты успокоилась немного, отерла слезы, прислушиваешься, – кругом все тихо, только едва слышно издали фыркание коней да вблизи чирикание кузнечика. Младенец твой молчит. Ты едва подняла– ся на ноги, берешь его и крадешься тихонько в степь из обоза, и, вышедши на дорогу, ты снова с нее своротила, потому что ты дороги боишься. Ты опять в степи и, уже далеко от дороги и обоза, кладешь свое дитя на душистую траву, и как волчица роет нору для своих будущих волчат, так ты, иступленная, роешь могилу для своего детища, встановися! Оно плачет, но ты не слышишь, тебе чудится вой волков в степи. Ямка готова, ты судорожно схватываешь дитя свое, бросаешь в яму, и у тебя не достало духу покрыть

его землю, ты, как сумашедшая, бежишь в степь. О, какое благодеяние было б теперь для тебя помешательство! Но ты в изнеможении падаешь в траву и вскоре, как после страшного сна, пробуждаешься, и пробуждаешься на горе. Ты смутно, но все вспомнила и от изнеможения не можешь встать на ноги, – силишься, силишься и все напрасно. Так тебя и рассвет, и утро застает. Так тебя и полдневное солнце печет. Смерть близится к тебе. Но смерть грешников люта. Вечер освежает тебя, и ты, собравши остаток силы, ползешь в траве и, на свое горькое горе, выползаешь на дорогу. Тебя полуживую подняли чумаки и привезли в село, сдали добрым людям на руки, и ты медленно оживаешь. Выздоровливаешь. И полунагая отправляешься в корчму. Ты припомнила: когда тебя уланы вином поили, тебе было весело и ты забывалась. Но кто теперь тебе, нищей, подурневшей вина даст? Ты у жида в корчме нанялася носить воду за четвертку вина. Но увы! Вино не помогло, а злее еще напомнило тебе, что ты детоубийца! И разгоряченное воображение твое представляет бесконечный ряд страданий. «Что мне делать?» – ты в исступлении кричишь, а дьявол шепчет тебе на ухо: «Утопись!» И ты, послушная сатане, бежишь, быть может, к твоей родной Суле и топишься. Косари тебе помешали. Ты рассказала им свое преступление. Тебя в сельскую расправу, потом в тюрьму, потом в село твое родное да, не снимая кандалов, и на кобылу. А с кобылы прямехонько в Сибирь.

Могло случиться и иначе. Ты могла бы и подружиться с добрыми уланами – и попутешествовала б себе за их эскадронами во всякую погоду, как единородная мать Энея (у Котляревского):

..... боса,
Задрипана, простоволоса...

И часто, часто бедная богиня Пафоса -

В шинели сирий щеголяла,
Манишки офицерам прала,
Горилку з перцем продавала и т. д.

Так, может быть, и тебе бы пришлось коротать свою поруганную, грешную, безраскаянную жизнь. Но ты спасена; ты ангелом прекрасным, ты своим сыном спасена. И будущность твоя хотя и горькая, печальная, но не преступная и безотрадная.

В понедельник на фоминой неделе старик со старухой поехали в село родителей поминать, Лукия и за своих дала им на часточку.

– От что, Якиме, – сказала Марта, – запишем и ее отца и мать в свою граматку, та пускай так укупи и поминают: ведь она у нас как наша дочь родная.

– А что ж, и хорошо. Запишем.

И Лукия, простясь со стариками, засунула изнутри двери, вошла в хату, остановилась над колыбелью, долго смотрела на спящего Марка и наконец проговорила:

– Господы милосердный, и укрипы, и спасы мене! Где я на всем свете найду таких людей, которые б меня дочерью звали и отца моего и мать мою в свою граматку записали?

И она тихо заплакала и стала молиться. В это время проснулся Марко и, протягивая к ней ручонки из колыбели, пролепетал к ней:

– Мамо!

Она, как бы испуганная, обратилась к нему. Взяла его на руки и, целуя его, залилася слезами, едва выговаривая:

– Сыну мий! Сыну, моя ты дытыно!

А Марко, как бы понимая ее слова, охватил пухлыми ручонками ее прекрасную шею и лепетал:

– Мамо! Мамо!

Придя в себя, она стала на колена перед образами, пере– крестилася, потом взяла Марка за ручонку, сложила его розовые пальчики и начала учить его креститься, говоря и плача:

– Молюся, сыну, молюсь, моя дытыно, молюся, ангеле божий, за меня, за мене, грешницу, молюся!

До обеда Лукия утешалася своим сыном в хате, а после обеда укутала его и пошла в сад рясту рвать. Погулявши в саду и нарвавши рясту, она возвращалася в хату и уже было взялася за ручку у дверей; вдруг слышит – ее зовут. Она огля– нулася и вздрогнула: за воротами стоял ее возлюбленный. Она хотела скрыться в хату, но он снова позвал ее.

– Да отвори ворота, мне не хочется с коня слазить.

Лукия как бы невольно подошла к воротам, но не отворила их.

– Что же ты стоишь? Или не отворяй, выйди сюда, я тебя поцелую.

Лукия не вышла.

– Что же, на тебя столбняк, что ли, напал? Готова ли ты или опять раздумала?

– Раздумала.

– Фу ты, несносная! Полно дурачиться, одевайся скорее, за хутором тебя телега дожидает.

– Пускай себе дожидает.

– Да не беси же ты меня! Скажи, пойдешь ли ты или нет?

– Ни.

– Проклятая! Да вить я без тебя жить не могу!

– То не живи!

– То не живи? Тварь ты бездушная! Что же мне – давиться, что ли, из-за тебя?

– Давись.

– Шутишь ты, что ли, со мною? Скажи, последний раз я тебя спрашиваю, пойдешь ты или нет?

– Нет, не пойду.

– Дура же ты, дура. Я тебе добра желал, хотел тебя счастливою сделать.

Лукия грустно посмотрела на него. Он продолжал:

– Хотел в Ромне перевенчаться с тобою.

Лукия еще раз взглянула, отворотилася и хотела было идти в хату.

– Остановися, одно слово!

Она остановилась.

– Подойди ближе!

– Ну, говори, что ты там такое скажешь? – И она подошла к воротам.

– Ну, скажи, глупая, разве тебе лучше мужичкой быть?

– Лучше!

– Да пойми ты меня! Ведь ты будешь офицерша!

– Не хочу я быть офицершей. Я мать офицерского сына, с меня довольно! – И она снова отворотилася.

– Вот же тебе, упрямая хохлячка! – И он ее ударил по голове нагайкой, проговоря: – Проклятая! – Поворотя коня, он ускакал в поле. Лукия посмотрела ему вслед, спустила дитя на землю и тихо пошла с ним в хату. Но в хату не могла войти. Села на призбе, бледная и изнеможенная, выпустила из рук Марочка и лицо закрыла руками. Долго она сидела в таком положении, а Марочко между тем уселся у ног ее и уже увядший ряст рассыпал вокруг себя.

Лукия наконец проговорила шепотом:

– Офицерша... Бреше... За что же он меня ударил? Что я ему сделала? Сына привела.

И она горько, горько заплакала. Марочко, глядя на нее, и себе заплакал. Она взяла его на руки, поцеловала, встала и молча пошла в хату.

Старики, возвратяся ввечеру из села, рассказывали ей, смеяся, как уланы выходили из села и как одна, уже тяжкая, дивчина пошла за повозкою их знакомого охотника.

– Як-бо ии зовуть? – заговорила Марта. – Постой... постой... вот уже и забыла... те, те, вспомнила – Одаркою!

Лукия вздрогнула.

– Только из какого-то другого села, а не буртянская.

– Что же это нашего знакомого не видно было меж уланами?

– Да, не видно было. А я нарочно его выглядала, да нет, не видно было.

– Должно быть, вперед уехал.

– Должно быть.

...Мирно и безмятежно текли часы, дни, месяцы и годы на благодатном хуторе Якима. Коморы его начинялися всяким добром, волы и коровы его и всякая другая худоба множилася и тучнела, чумаки его каждое божие лето возвращалися с дороги с великою лихвою, пчелы его по трижды в одно лето роилися, так что одного меду продавал он ежегодно рублей сот на пять, если не больше, не говоря уже про воск. Садовой овощи, правда, он не продавал, а то и тут бы не одну лупнул сотнягу. «Пускай, – говорит, – добрые люди поживу т, спасыби скажут». Словом, к Якиму на хутор со всех сторон добро лилося, как будто сама фортуна коловратная на его хуторе поселилася – в лице Лукии и Марка. И то правду сказать, что Лукия была хозяйка невсыпущая и распорядительная. «И бог его знает, где это она всему так научилася, – бывало, глядя на ее дела, говорит старая Марта. – Вот тебе и московка. Поди ты с нею! Благодать божия, да и только. Верно, разумного отца дытына». Старикам оставалось только смотреть на нее и молиться богу. Они таки и не забывали бога. Марта ежегодно ходила в Киев на поклонение святым угодникам печерским. А Яким хотя и не ходил, зато дома в продолжение года молебствовал: то крыныцю в саду посвятит, то пасику посвятит, то так пригласит отца Нила помолебствовать о здравии и долгоденствии. А сам все себе сидит в пасике, рои снимает да псалтырь читает.

Так-то счастливо проходили дни, месяцы и годы на хуторе. А Марку между тем кончался седьмой годочек. И что же это за дитя выростало! Прекрасное, тихое, послушное, несмотря на то, что все его чуть на руках не носили. Особенно Лукия. Бывало, в воскресенье, когда старики уедут в село до церкви, оденет его в жупанок, в красные сапожки и сывую крымских смушек шапочку, поставит его перед собою и любителю на него, как на малеваного. А между тем она ему и виду никогда не показала, что она ему мать. Для чего это она делала, бог ее знает. Может быть, она боялася старых, а может быть, и так.

Старики часто поговаривали, что пора Марка в школу отдать, но все дожидали, пока ему исполнится семь лет.

И вот ему исполнилось семь лет. Это случилось как раз на зеленых святках, в воскресенье. Из церкви прямо на хутор привезли отца Нила, и отца диякона, и весь причет церковный. После молебствия и водоосвящения в саду вернулись во облачении в хату. А окропивши святою водою оселю, сины и коморы, вернулись снова в хату. Тогда отец Нил взял Марка за руку и, поставив его на «колени перед святыми образами, а сам, раскрыв псалтырь и перекрестяся трижды, прочитал псалом «Боже, в помощь мою вонми». По прочтении псалма, сложив с себя ризы, сел за стол и спросил у Якима букварь. Марта достала из скрыни букварь (он у нее хранился, потому что она его принесла из Киева) и подала Яким, а Яким уже отцу Нилу.

– Приступи ко мне, чадо мое, – сказал он Марку.

Марко подошел.

– Говори за мною!

И Марко робко повторял: «Аз, буки, веде» и т. д.

По прочтении азбуки отец Нил закрыл букварь и сказал:

– Корень учения горек, плоды же его сладки суть. Сегодня пока довольно, а на будущее время и вящие потрудимся. А теперь пока, отдавши богово богови, отдаймо и кесарево кесареви.

Яким, как сам тоже человек грамотный, тотчас смекнул, к чему говорит отец Нил из писания. Моргнул Марте и Лукии, а сам побежал в комору, сказавши:

– 3-за позволения вашего, прошу, батюшка, садовитесь за стол.

Через минуту стол был уставлен яствами и напоями, разными квасами фруктовыми и наливками, а кроме всего этого, Яким посередине стола поставил хитро сделанный стеклянный бочонок с выстоялкою. Отец Нил, прочитавши «Отче наш» и «Ядят убозии и насытятся», поблагословил ястие и питье сие и сел за стол. Его примеру, перекрестясь, последовали и другие (окроме Марты и Лукии).

И молча начали воздавать кесарево кесареви.

После обеда отец Нил и весь причет церковный вышли в сад и сели на траве под старую грушею около крыныщи, и отец Нил отверз уста свои, в притчах глаголя. И чего он тут не глаголал? И о Симеоне Столпнике, и о Марии Египетской, и о страшном суде. И только было начал «О толсте сердце их», а тут явилася Лукия с ковром, а Марта с стеклянным бочонком, только уже налитым не выстоялкою, а сливянкою. Отец Нил, увидя их, воскликнул:

– Хвалите, отроци, господа! И господиню, – прибавил он, ласкаво улыбаяся Марте.

Лукия между тем разостлала ковер, а Марта поставила на него барыльце с сливянкою и, поклонившись, просила:

– Батюшка, благословить.

Батюшка, возвыся глас свой и осеняя барыло крестным знамением, возгласил:

– Изыди из тебе душе нечистый и вселися в тебе сила Христова и яви чудеса миру.

В это время старый Яким подошел к ним, держа в руках на малеваной тарелке свежие большие яблоки.

Отец Нил, увидя яблоки, сказал:

– Благ муж, щедря и дая. Только скажите вы мне, бога ради, Якиме, каким образом вы их сохранили?

– А вот как покушаете, то тогда и скажу, – говорил Яким, ставя яблоки на ковер.

– Хорошо, и покушаемо. Да где наш новый школяр? Пускай бы он нас хоть сливянкою попотчевал, – говорил отец Нил, протягивая руку к яблоку.

В минуту Лукия привела в сад и Марка.

– А ну-ка, новый школяр, – говорил Яким, смеясь, – попотчуй батюшку сливянкою, а воны тебе когда-нибудь березовую кашею попотчуют.

– Корень учения горек, – весьма кстати проговорил отец Нил.

Лукия взяла бочонок, а Марко рюмку, и стали потчевать гостей. Когда поднес Марко рюмку отцу диякону, то тот, принимая рюмку, проговорил:

– Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд.

– Та блуд-таки, блуд, – скороговоркою сказала Марта, – а вы, отче Елисею, выпейте еще одну рюмочку нашей сливя– ночки.

Что отец Елисей и сполнил.

Сидели они под грушею до самого вечера и слушали отца Нила. А отец Нил договорился до того, что начал выговаривать вместо «пророк Давид» «пророк Демид». А потом все духовенство запело хором «О всепетую мати», потом «Богом избранную мати, деву отроковицу», а потом «О горе мне, грешнику сушу». Тут уже и Яким не утерпел, подтянул-таки тихонько басом.

– Эх, если бы тимпан и органы или хоч гусли доброглас– ны! – воскликнул отец Нил. – О, тут бы мы воскликнули господави. А что, не послать ли нам за гуслиами?

– Послать! Послать! – закричали все в один голос.

– А послать так и послать, – говорил Яким. – Лукие, скажи Сидорови, нехай коней запрягає, я сам поеду. А тым часом, отче Ниле, прошу до господы. И вы, отец Елисей, и вы, – сказал он, обращаясь к причетникам. – На дворе и темно, и холодно.

И компания отправилась в хату, а что там было в хате, бог его знает. Знаю только, что Яким за гуслиами не поехал.

Клечальное воскресенье продлилося до вторника. Во вторник, уже поснидавши, гости поехали домой, а Яким и Марта, провожая их, весь час жалкували, что они не остались еще на г о д ы н о ч к у, т. е. на два дни.

В следующее воскресенье рано поутру одели Марка в самый лучший его жупан, засунули ему граматку за пазуху, посадили его на повозку и повезли в село, якобы до церкви. Обманули бедного Марка: они повезли его в школу.

Лукия хотя и не плакала при расставаньи с сыном, но ей все-таки жаль было расставаться с ним.

Грустно, неохотно расставалась Лукия с своим сыном, с своею единою утехой, но она не останавливала, не отговаривала, как это делала старая Марта. Марта сквозь слезы выговаривала Якиму:

– Ну скажи, ну скажи ты мне, где ты видел, чтоб из школы добро вышло? Так, выйдет какой-нибудь пьянычка, а может, еще и вор, боже обороні; от только дытыну испортят.

– Замолчи ты, пока я не рассердился, – говорил Яким, надевая на Марка сверх жупанка новую свитку.

– Ну куда ты его кутаешь?

– Куда? В дорогу! Ведь он там останется, так не возыть же за ним свыту.

Так снаряжали Марка в далекую дорогу. Лукия молча смотрела на все это и, слушая доводы Марты, почти соглашалась с нею. Но когда Яким, помолясь богу и выходя из хаты, сказал:

– Учение – свет, а неучение – тьма, – то Лукия вполне с ним согласилась, говоря:

– По крайней мере, выучится хоть богу помолиться.

И, проводя их за ворота, долго стояла она и смотрела вслед удалявшейся повозке. А когда повозка скрылась, она перекрестила воздух в ту сторону и, возвращаясь в хату, говорила:

– Пошли тебе господи благодать свою святу.

Вечеру Марта рассказывала Лукии про Марка, что он, бедный, плакал, когда прощался с ними, и что он будет жить у отца Нила, а в школу только учиться будет ходить, и что она нарочно заходила в школу, чтобы посмотреть, где он будет учиться.

– Пустка! Совершенная пустка! – говорила она. – Так что страшно одной зайти. А школяры такие желтые, бледные, как будто с креста сняты, сердечные. А под лавою все розги, все розги, да такие колючие! Бог их знает, где они их и берут. Настоящая шипшина. А на стене, около самого образа, тройчатка, настоящая дротянка, да, я думаю, она таки из дроту и сплетена. А дьяк такой сердитый! Аж страшно смотреть. Я, правда, дала ему копу, знаешь, чтобы он не очень силовал Марка, хоть на первые дни. Надо будет еще чего-нибудь послать ему; я думаю, хоть полотна на штаны та на сорочку, а то замучит бедную дытыну. Чи не понесла б ты ему, Лукие, хоть даже завтра, а то я боюсь: убье, занивечить сердечного Марочка.

– Добре. Я понесу, – сказала Лукия. – Та и сама посмотрю на ту школу.

– Посмотришь, посмотришь. Та вот еще что: у ч ы н ы к завтраму паляныци. Я думаю и паляныць зо дви послать Мар– кови, а то воно, бедное, хоть и обедает у попа, да какой там у них обед. Я думаю, всегда голодное.

Назавтра Лукия отправилась в село с паляныщами и со свертком полотна. Она не зашла к отцу Нилу, а прямо прошла в школу. Дьяк встретил ее совсем не сердитый, и школа не была похожа на пустку. Хата как хата, только что школяры сидят да читают, кто во что гаразд. И Марко ее туг же меж школярами сидит и тоже читает. Она когда увидела его читающего, то чуть

было не заплакала. «Как оно, бедное, скоро научилося», – подумала она и посмотрела под лаву. Под лавою ни одной розги не видно было. Посмотрела на образа – около образов тройчатки тоже не видать. Она, отдавши дякови по– сильное приношение, спросила его, можно ли ей повидаться с таким-то Марком.

– Можна, можна. Чому не можна? – говорил дяк с важ– ностию и, подойдя к новобранцу (как он называл Марка), сказал ему: – Ты, Марку, сегодня учился хорошо, а посему и гулять остаток дня можешь. Иди с миром домой.

Марко сложил азбучку, положил ее за пазуху и встал со скамейки, обернулся, увел свою наймишку и заплакал. Лукия тоже чуть не заплакала. Она взяла его за руку и, простясь с дяком, вышла из школы. Вышедши из школы, она утерла слезы у Марка рукавом своим, потом сама заплакала, и пошли они тихонько к хате отца Нила.

Такие приношения делала она дякону и Марку каждую неделю. А в воскресенье Марта само собою привозила дячку и копу грошей, или меду, или кусок сала, или что-нибудь тому подобное.

Месяца через два с божиею помощью Марко одолел букварь до самого «Иже хошет спастися». По обычаю древнему нужно бы кашу варить, о чем дано было знать заблаговременно на хутор. Варивши кашу, Марта положила в нее 6 пятаков, а Лукия, когда Марта отвернулася, бросила в кашу гривенник.

Когда каша была готова, Лукия понесла ее в село к отцу Нилу. А от отца Нила Марко понес ее в школу в ручнике, вышитом Лукией. Принесши кашу в школу, он поставил ее доли. Ручник преподнес учителю. А до каши просил товарищей. Товарищи, разумеется, не заставили повторять просьбы, уселись вокруг горшка. А Марко взял тройчатку, стал над ними, и пошла потеха. Марко немилосердно бил всякого, кто хоть крошку ронял дорогой каши на пол.

Кончивши кашу, Марко тройчаткою погнал товарищей до воды, а пригнавши от воды, принялись громадою горшок бить. Разбили горшок, и учитель распустил их всех по домам в знак торжественного сего события.

После описанной церемонии Марко был отпущен на родину, т. е. на хутор, отдохнуть недели две после граматки. Но вместо отдыха он встретил новые, не предвиденные им труда. Яким, в присутствии Марты и Лукии, заставлял его прочитывать каждый день всю граматку, од доски до доски, и даже «Иже хошет спастися».

– Да для чего это уже «Иже хошет спастися» ты заставляешь его читать? – говорила Марта. – Он его не учился, то и читать не нужно.

– Ты, Марто, человек неграмотный, то и не мешалась бы не в свое дело, – говорил обыкновенно Яким. – Мы-то знаем, что делаем.

Марко под конец второй недели готов был бежать из родительского дому в школу. В школе ожидали его ровесники, товарищи, а дома кто ему товарищ? Правда, оно и в школе не тепло, но все-таки лучше, нежели дома.

По прошествии двух недель снабдили Марка всяким добром удобосъедаемым и вдобавок часословом, принесенным Мартою в то лето из Киева, и отправили в школу.

В великом посту, когда говели Яким и Марта, то Марко уже посередине церкви читал большое повечерие, к неопisanному восторгу стариков. Выходя из церкви, Яким погладил по голове Марка и дал ему гривну меди на бублики, сказавши:

– Учись, учись, Марку. Науку не носят за плечима.

А Марта дома Лукии чудеса про Марка рассказывала. Она говорила, что дяк просто дурень в сравнении с Марком, что Марко вскоре и самого отца Нила за пояс заткнет. Разве только что на гуслах не будет играть, да это ему и не нужно.

– Да что же это он, да как же это он там читает? – обыкновенно спрашивала Лукия.

– А так читает, что хоть бы и самому дяку, так не стыдно. Да, я думаю, дяк и заставляет читать все такое, чего сам прочитать не в силах. Я думаю, что так.

Лукия с нетерпением ожидала шестой недели поста, в которую собиралась говеть. Наконец дождалась и наконец услышала читающего Марка, и уже не одну «Нескверную, неблазную», а и «Полуношницу», и даже «Часы». Велика была ее сердечная радость, когда она, выходя из церкви, слышала такие слова:

– Какой хороший школяр! Дак он прекрасно читает, точно пташка какая щебечет. Наделил же господь добрых людей такую дытыною.

Такие и им подобные слова слушала Лукия всякий раз при выходе из церкви. Зато Марко и возмездие получал не малое. Он в продолжение недели всю школу кормил бубликами.

Марко быстро двигался на поприще образования, так что к концу другого года, к удивлению всех, в особенности учителя, он прошел всю псалтырь, даже с молитвами. А чтением кафизм в церкви приобрел общую известность и похвалу всего села; так что уже на что Денис Посяда, который никого не хвалил, и тот, бывало, выходя из церкви, скажет:

– Ничого сказать, славный школяр. Прекрасно читает.

Долго толковали между собою отец Нил с Якимом, учить ли Марка писать или так и кончить на псалтыре. С домашними Яким не входил в рассуждение по поводу этого предмета. Он знал наверное, что в Марте первой он встретил бы оппозицию, а потому и молчал благоразумно. А по зрелом рассуждении с отцом Нилом решил, чтобы Марка учить писать.

Хитрость книжная, можно сказать, далась нашему Марку. Да и хитрость скорописца не отвернулася от него. В полгода с небольшим он постиг все тайны каллиграфии и так, бывало, выведет букву ферт, что сам учитель только плечами двинет, и больше ничего. Но кого он больше всех восхищал своею тростию скорописца, так это старого Якима. Он ему при всяком удобном случае писал послание, подписывая на конверте, что такой-то и такой губернии, такого-то и такого повета, на благополучный хутор такой-то, жителю Якиму Миронову сыну та– кому-то. Старик был в восторге, получа такое письмо от своего сына из школы.

– Вот оно что значит просвещенный человек, – говорил он, бывало, Марте и Лукии, держа письмо в руках, которого он, конечно, не понимал, потому что читал только печатное. – Я вот и не был в селе, а знаю, что там творится. А вы, бабы, ну, скажите, что вы знаете? Вот то-то и есть! А я так знаю. Вчера отец Нил на гуслах играл «Исусе мой прелюбез– ный», а матушка Якилына с прочими мироносыщами ему подтягивали. Вот что.

– Ну, та ты из своего письма наговоришь, что и груши на вербе растут, – говорила обыкновенно Марта.

– Что ж, когда не веришь, то на, возьми прочитай. – И он ей подавал письмо.

– Читай уже ты один, а мы и так себе останемся.

И Яким, бывало, через пятое-десятое по складам прочитает им:

– «Любезнейшие и драгоценнейшие родители! Я, слава всевышнему, жив и здоров, чего и вам желаю. Единородный сын ваш М. Г.».

– Только то и было? – спрашивала Марта.

– А тебе чего еще хочется? – отвечал смеясь Яким.

– А как же там батюшка с матушкою? Говорил ты, что в письме написано.

– А дзус вам знать, цокотухи. – И при этом он клал письмо за образ.

Смеючися, пролетали годы над хутором. Марко вырастал, делался юношею, и каким юношею? Просто чудо! Бывало, сельские красавицы не налюбуются на Марка Гирла. Школу он оставил вот по какому случаю. Однажды Марта, возвратясь из Киева, занемогла да, прохворавши семь недель, и богу душу отдала. Долго плакал старый Яким и, плачучи, поселился наконец в своей п а с и ц и. Надо было для утехи старика взять из школы Марка. Лукия так и сделала. «Пускай себе, – думала она, – чего не доучился в школе, доучится дома. А старику, бедному, все-таки будет розвага. А то и он умрет, бедный, с тоски та с горя».

И в воскресенье, рассчитавшись с дьячком и отцом Нилом, привезла Марка на хутор. Обрадовался, ожил Яким, увидя перед собою существо, которое одно только и привязывало его к жизни.

До прибытия Марка из школы старый Яким был похож на Афанасия Ивановича после смерти Пульхерии Ивановны, с тою разницею, что в доме и вообще в хозяйстве не было заметно того печального запустения, какое было видно в доме Афанасия Ивановича после смерти Пульхерии Ивановны. Потому что у него осталась Лукия.

Бывало, сидит бедный старик в пасике несколько часов сряду, головы не подымая, только вздохнет и утрет машинально слезу, скатившуюся на седые усы. Вздохнет опять и опять заплачет. И так просиживал он до тех пор, пока Лукия приходила звать его обедать. Тогда молча вставал он и шел за Лукией в хату. Она заводила с ним речь о хозяйстве, о чумаках, о пчелах, о яблках, но он отвечал только «да» или «нет». Однажды она ему сказала:

– Вы бы взяли хоть псалтырь, прочитали за ее грешную душу, и вам бы легче стало.

Яким молча с полки достал псалтырь и пошел в сад (Марта была похоронена в саду между старыми липами), остановился над могилою Марты, раскрыл книгу, перекрестился и начал читать «Блажен муж». Когда же дочитался до «Славы» и начал читать «Со святыми упокой», то не мог проговорить «рабу твою Марту». Залился старик слезами, и книга из рук упала на могилу.

Так-то время и уединение связывают простосердечных людей друг с другом. Благословенно и время, и уединение, простосердечные люди.

Яким с каждым днем оживал более и более. Лукия угождала и ухаживала за ним, как за малым ребенком. А Марко, несмотря на его юность (и, как Гоголь говорит, юркость), не отставал от него ни на минуту. Он уже знал, что он не родной его сын, и в глубине молодой души своей чувствовал все благо, сделанное ему чужими добрыми людьми. Он иногда за– думывался и спрашивал себя: «Кто же мой отец? И кто моя мать?» – и, разумеется, оставался без ответа.

Каждую субботу с утра до обеда читал он псалтырь над могилою Марты. А Яким, стоя около него, молился и плакал и, плачущи, шептал иногда:

– Кто же бы за твою душу теперь псалтырь прочитал, если б мы его не отдавали в школу? Читай, сыну! Читай, моя дытыно! Она с того света услышит и спасибо тебе скажет. Душа ее праведная по мытарствах теперь ходит. – И старик снова заливался слезами.

...А между тем Марку пошел уже двадцатый год. Пора ему уже была и вечерницы посетить, посмотреть, что и там делается. Дождавшись осени, он это и сделал, и так удачно, что после первого посещения вечерниц, возвратись домой, стал у Якима просить благословения на женитьбу.

– Вот тебе и на! – сказал Яким, выслушавши его. – Я думал, что он все еще школяр, а он уже во куда лезет! Рано, рано, сыну. Ты сначала погуляй, попарубкуй немного, почумакуй, привезы мени гостынец з Крыму або з Дону. А то – ну сам ты скажи, какая за тебя, безусого, выйде. Разве какая бессережная! А вот спросим у Лукии, – я думаю, и она скажет, что еще рано.

Спросили у Лукии, и она сказала, что рано.

Марко наш и нос повесил. А между тем ночевать стал ходить у клуню. В хате ему, видите, стало душно.

– Знаю я, чего тебе душно! – говорил, улыбаясь, старый Яким.

А Лукия ничего не говорила, только по целым ночам молилась богу, чтобы бог сохранил его от всякого скверного дела, от всякого нечистого соблазна.

Однажды после обеда, когда Яким отдыхал, она вызвала Марка в другую хату и ласково спросила у него:

– Скажи мне, Марку, по истинной правде, кого ты полюбил? На ком ты думаешь жениться?

Марко расписал ей свою красавицу, как и все любовники расписывают. Что она и такая и такая, и красавица и раскрасавица, что лучше ее и во всем мире нет.

Лукия с умилением слушала своего сына и сказала наконец:

– Верю, что краше ее во всем мире нет. А скажи ты мне, какого она роду? Кто отец ее и кто такая мать? Что они за люди и как они с людьми живут?

– Честного она и богатого роду!

– Богатства тебе не нужно, ты и сам, слава богу, богатый. А скажи ты мне, любишь ли ты ее?

– Как свою душу! Как святого бога на небесах!

– Ну, Марку, я тебе верю. Ты ее любишь, а когда любишь, то ты ей зла не сделаешь. Смотри, Марку! Сохрани тебя мать господняя, если ты ее погубишь! Не будет тебе прощения ни от бога, ни от добрых людей!

– Как же я погублю ее, скажи ты мне, когда я ее люблю?

– Как погубишь?.. Дай, господи, чтобы ты и не знал, как вы нас губите. Как мы сами себя губим!

– Лукие, ты давно у нас живешь. Скажи мне, не знаешь ли ты, кто такая моя маты?

Лукия при этом неожиданном вопросе затрепетала и не могла ответить ни слова.

– Скажи мне! Скажи, ты, верно, знаешь?

Лукия едва ответила:

– Не знаю!

– Знаешь! Ей-богу, знаешь! Скажи мне, моя голубко, моя матинко! – И он схватил ее за руки.

– Марта, – ответила Лукия тихо.

– Ни, не Марта, я знаю, что не Марта! Я знаю, что я байстрюк, подкидыш.

Лукия схватила его за руку, сказавши:

– Молчи! Кто-то идет! – и вышла быстро из хаты.

«Она, верно, знает», – подумал Марко и вышел вслед за нею.

Дождавшись весны, Яким поручил все хозяйство Лукии, а сам, по обещанию, поехал в Киев, взяв и Марка с собою.

Лукия не пропускала ни одного воскресенья, чтобы не побывать в селе. И после обедни всегда заходила к матушке и после обеда долго с нею беседовала наедине. Она расспрашивала попадью о своей будущей невестке и узнала, что она честного и хорошего роду и что про нее дурной славы не слыхать. Наконец она через попадью и сама с нею познакомилась. И увидела, что сын и попадьа говорят правду.

Через месяц Яким с Марком возвратились на хутор и навезли разных дорогих гостинцев своей наймичке. А для себя привезли, кроме синего сукна и китайки, Ефрема Сирина и «Житие святых отец» за весь год.

Дни летние и длинные вечера осенние Марко читал святые книги, а Яким слушал и обновлялся духом. Он пришел в свое нормальное положение, подчас непрочь был послушать, как отец Нил играет на гусях и как отец диякон поет «Всякому городу нрав и права». И прочее такое. Только всегда приговаривал:

– Ох, якбы тепер со мною была Марта! Дали б мы себе знать. – И после этого всегда старик задумывался, а часто и плакал, говоря: – Сырота я сырою! Так и в домовину ляжу. Марко! Так что ж Марко! Звичайне, не чужий! Оженю его, непременно оженю после покровы. А летом пускай сходит в дорогу та привезе мени з Крыму сыву шапку, таку сыву, как моя голова.

А Марко, прочитавши житие какого-нибудь святого, отправлялся в клуню ночевать, т. е. в село, к своей возлюбленной.

А Лукия, уложивши спать старого Якима, молилася до полуночи богу, чтобы охранял он ее сына от всякого зла.

Весною, снарядивши новые возы, новые мережанные ярма, притыки, лушни и занозы, Яким отправил своего Марка чумаковать на Дон за рыбою.

– Иди ж, мой сыну, – говорил он, – та везы свой молодой подарки. После покровы, даст бог, мы вас некрутым о.

Марко с горем пополам отправился на Дон за рыбою.

А Лукия, взявши котомку на плечи, пошла в Киев помолиться святым угодникам о благополучном возвращении сына с дороги. Яким один остался на г о с п о д и. Он, распорядившись – ся весенними работами, вынул пчел из погреба, расставил их как следует по пасике, взял Ефрема Сирина и поселился на все лето в пасике.

А Лукия, между тем, пришла в Киев, стала у какой-то мещанки на квартире и, чтоб не платить ей денег за квартиру и за харч, взялася ей носить воду для домашнего обиходу. В полдень она носила воду из Днепра, а поутру и ввечеру ходила по церквам святым и пещерам. Отговевшись и причастившись святых тайн, она на сбереженные деньги купила небольшой образок святого гробокопателя Марка, колечко у Варвары – великомученицы и шапочку Ивана Многострадального. Уложивши все это в котомочку и простившись с своей хозяйкою, она возвращалась домой. Только не доходя уже Прилуки, именно в Дубовому Гаю, занемогла пропасницею. Кое-как доплелася она до Ромна, а из Ромен должна была нанять подводу до хутора, потому что уже не в силах была идти. А она хотела зайти в Г у с т ы н ю, в то время только возобновляющуюся. И не удалось ей, бедной.

Испугался старый Яким, когда ее увидел.

– Исхудала, постарела, как будто с креста снятая, – говорил он. – Чи не послать нам за знахуркою? – спрашивал ее Яким.

– Пошлить. Бо я страх нездужаю.

И Яким не послал, а сам поехал в село и привез знахурку. Знахурка лечила ее месяц, другой и не помогала.

Во времена самой нежной моей юности (мне было тогда 13 лет) я чумакував тогда с покойником отцом. Выезжали мы из Гуляйполя. Я сидел на возе и смотрел не на Новомиргород, лежащий в долине над Тикичем, а на степь, лежащую за Тикичем. Смотрел и думал (а что я тогда думал, то разгадает только один бог). Вот мы взяли соб, перешли вброд Т и к и ч, поднялись на гору. Смотрю – опять степь, степь широкая, беспредельная. Только чуть мреет влево что-то похожее на лесок. Я спрашиваю у отца, что это видно.

– Девятая рота, – отвечает он мне.

Но для меня этого не довольно. Я думаю: «Что это – 9-я рота?»

Степь. И все степь.

Наконец мы остановились ночевать в Дидовой балке.

На другой день та же степь и те же детские думы.

– А вот и Елисавет! – сказал отец.

– Где? – спросил я.

– Вон на горе цыганские шатры белеют.

К половине дня мы приехали в Грузовку, а на другой день поутру уже в самый Елисавет.

Грустно мне! Печально мне вспоминать теперь мою молодость, мою юность, мое детство беззаботное! Грустно мне вспоминать теперь те степи широкие, беспредельные, которые я тогда видел и которых уже не увижу никогда.

Побывавши в Таганроге и Ростове, Марко с своими чумаками вышел в степь. И непочтовым шляхом прямувалы чумаки через Орель на Старые Санжары. В Санжарах, переправившись через Ворсклу, задали чумаки пир добрым людям.

Купили три цебры вина. Найняли троисту музыку. Та и понесли вино перед музыкантами. Кого встретят, пан ли это, мужик ли, все равно: «С т о й, п ы й горилку». Музыка играет, а чумаки все до одного танцуют.

С таким-то торжеством прошел Марко через Санжары.

В Белоцерковске повторилось то же. А в Миргороде, хоть и не было переправы, чумаки таки сделали свое.

«Х о р о л хоть и не велька ричка, а все-таки, – говорили они, – треба свято одбуты». И одбулы свято. В Миргороде они взяли уже не четыре цебра вина, а бочку. И весь город покотом положили. А о музыкантах и танцах и говорить нечего.

Из Миргорода с божию помощью вышли на Р о – м о д а н.

Вышедши на Ромодан и попасши волю, чумаки потянулись по Ромодану на Ромен.

Йдуть соби чумаченьки
Та йдучи спивають.

Что же ты, Марку, что же ты не поешь с товарищами– чумаками?

А вот почему я не пою с товарищами-чумаками. Покинул я дома молодую девушку. Что теперь сталося с нею? Везу я ей с Дону парчи, аксамиту, всего дорогого. А она, быть может, моя молодая, вышла за другого.

И чем ближе они подходили к корчме, от которой ему поворотить надо вправо, тем он грустнее становился.

«Что это мне эта наймичка не йдет с ума?.. А може, вона скаже», – прибавлял он в раздумье.

Минули Л о х в ы ц ю, прійшли и до корчмы. Попрощался Марко со своими товарищами-чумаками, как следует подякував их за науку и поворотил себе на хутор с своми возами.

Путь невелик, всего, может быть, пять верст, но он остановился с своей валкою ночевать в поле. Наймиты себе ночуют в поле около волов и возов, а он побежал к своей возлюбленной.

Серце мое! доле моя!
Моя Катерино! —

сказал он ей, когда она вышла в в ы ш н ы к– Он много говорил ей подобных речей, говорил потому, что не знал, что делается дома.

А дома делалося вот что.

Знахурка довела своими лекарствами бедную Лукию до того, что Яким просил отца Нила с причетом отправить над нею маслосвятие.

После этого духовного лекарства Лукии делалося лучше. Она начала, по крайней мере, говорить. И первое слово, что она сказала, это был вопрос:

– Что, не пришел еще?

– Кто такой? – спросил Яким.

– Марко, – едва прошептала она.

К вечеру ей стало лучше, и она просила Якима постлать постель на полу. Когда перенесли ее на пол, то она показала знаком Якому, чтобы он сел около нее. Яким сел. И она ему шепотом сказала:

– Я не дожуся его, умру. У меня есть гроши, отдаете ему. Вся плата, что я от вас брала, у мене спрятана в коморе, на г о р ы щ и, под соломяным жолобом. Отдайте ему, я для него их прятала. Та отдайте ему еще образок Марка святого, гробокопателя, что я принесла из Киева. А молодой его, когда пойдут венчаться, отдайте перстень святой Варвары. А себе, мой тату, возьмите шапочку святого Ивана. – И, помолчавши, она сказала: – Ох, мне становится трудно.

Я не дожусь его, умру. А он должен быть близко. Я его вижу. – И, помолчав, спросила: – Еще далеко до света?

– Третьи петухи только что пропели, – ответил Яким.

– Дай-но мне, господи, до утра дожить, хоть взглянуть на него. Он поутру приедет.

И в ту ночь, когда она исповедывалась Якиму, Марко целовал свою нареченную, стоя с нею под калиною, и говорил ей сладкие, задушевные, упоительные юношеские речи. Замолкал, и долго молча смотрел на нее, и только целовал ее прекрасные карие очи.

Пропели третьи петухи. Вскоре начала заниматься заря.

– До завтра, мое сердце единое! – сказал Марко, целуя свою невесту.

– До завтра, мий голубе сызый!

И они расстались.

– Иде, иде, – шептала больная, когда взошло солнце. – О! чуете, ворота скрипнули.

Яким вышел из хаты и встретил Марка с чумаками, входящего во двор.

– Иды швыдше в хату, – сказал обрадованный Яким Марку. – Я тут и без тебе лад дам.

Марко вошел в хату. Больная, увидя его, вздрогнула.

Приподнялася и протянула к нему руки, говоря:

– Сыну мой! Моя дытыно. Иды, иды до мене!

Марко подошел к ней.

– Сядь, сядь коло мене. Нагни мени свою голову.

Марко молча повиновался. Она охватила его кудрявую голову исхудалыми руками и шептала ему на ухо:

– Просты! Просты мене. Я я...я твоя маты.

Когда Яким возвратился в хату, то увидел, что Марко, плача, целовал ноги уже умершей наймички.

25 февраля 1844 Переяслав

Повесть написана в 1851–1852 годах в Новопетровском укреплении. Авторская дата – «25 февраля 1844. Переяслав» поставлена для того, чтобы ввести в заблуждение царскую цензуру.

Ч е п и г а – украинское народное название созвездия Орион.

Волосожар – украинское народное название созвездия Плеяд; состоит из шести ярких звезд и 200 более слабых.

Ромодановский Григорий Григорьевич (умер в 1682 г.) – боярин, в 1654–1656 гг. – воевода русских войск, посланных для поддержки левобережных гетманов. В повести дата похода не точна.

Дорошенко – гетман Правобережной Украины, деятельность которого была враждебна интересам украинского народа.

Ходаковский – Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Черноцкий, 1784–1825), польский демократический деятель, этнограф, археолог, фольклорист, активно собирал украинский фольклор, в частности – песни.

Церера – в древнеримской мифологии – богиня, покровительница земледелия.

Мария Египетская – библейский персонаж, раскаявшаяся грешница, которая стала приверженицей христианского вероучения.

Бель ф а м(*франц.*) – красивая женщина.

Патефруа(*франц.*) – пирог или паштет.

«И с а и я, ликуй» – песня, исполнявшаяся во время церковного венчания.

Сердечная О к с а н а – героиня повести «Сердешна Оксана» Г. Ф. Квитки-Основьяненко (1778–1843).

Кобыла – скамья, на которой пороли людей.

Мать Энея – Венера, богиня любви и красоты в древнеримской мифологии.

Богиня Пафоса – Венера, храм которой находился в городе Пафосе на острове Кипр.

Фортуна коловратная – случай, удача или неудача.

Кесарево кесареви – здесь старинная пословица императорово – императору употреблена иносказательно – т. е. будем заниматься обычными делами.

МУЗЫКАНТ

28 ноября 1854

Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проезжая город Прилуки Полтавской губернии, советую вам остановиться на сутки в этом городе, а если это случится не осенью и не зимою, то можно остаться и на двое суток. И, во-первых, познакомьтесь с отцом протоиереем Илиею Бодянским, а во-вторых, посетите с ним же, отцом Илиею, полуразрушенный монастырь Густыню, по ту сторону реки Удая, верстах в трех от г. Прилуки. Могу вас уверить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сен– Клерское аббатство. Тут все есть. И канал, глубокий и широкий, когда-то наполнявшийся водою из тихого Удая. И вал, и на валу высокая каменная зубчатая стена со внутренними ходами и бойницами. И бесконечные склепы, или подземелья, и надгробные плиты, вросшие в землю, между огромными суховер- хими дубами, быть может, самым ктиторм насажденными. Словом, все есть, что нужно для самой полной романической картины, разумеется, под пером какого-нибудь Скотта Вальтера или ему подобного писателя природы. А я... по причине нищеты моего воображения (откро- венно говоря), не беруся за такое дело, да у меня, признаться, и речь не к тому идет. А то я только так, для полноты рассказа, заговорил о развалинах Самойловичевого памятника.

Я, изволите видеть, по поручению Киевской археографической комиссии, посетил эти полуразвалины и, разумеется, с помощью почтеннейшего отца Илии, узнал, что монастырь воздвигнут коштом и працею несчастного гетьмана Са– мойловича в 1664 году, о чем свиде- тельствует портрет его яко ктитора, написанный на стене внутри главной церкви.

Узнавши все это и нарисовавши, как умел, главные, или святые, ворота, да церковь о пяти главах Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, где погребен вечная памяти достойный князь Николай Григорьевич Репнин, да еще уцелевший циклопический братский очаг, – сделавши, говорю, все это, как умел, я на другой день хотел было оставить Прилуки и отправиться в Лубны осмотреть и посмотреть на монастырь, воздвигнутый набожною матерью Еремии Виш- невецкого-Корибута. Сложил было уже всю свою мизерию в чемодан и хотел фактора Лейбу послать за лошадьми на почтовую станцию. Только входит мой хозяин в комнату и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.